

Александр Трокки

Молодой Адам (Young Adam)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Иногда невысказанные слова смотрят на тебя из прошлого, как если бы ты шёл по улице, а они наблюдали за тобой из окна. Оставшиеся и прошлым отрезки времени и различные поступки становятся странным образом изолированными; между ними и тобой, вспоминающим о них, больше нет связи.

Встав с кровати сегодня утром, я первым делом посмотрел на себя в зеркальце из хромированной стали. Я всегда ношу его с собой. Оно небьющееся. За ночь борода едва заметно выросла, и теперь мои щеки и подбородок были покрыты короткой щетиной. Глаза уже не были такими красными, как на протяжении последней пары недель. Наверное, я наконец-то выспался. Некоторое время я смотрел на свое отражение, не находя в нем ничего необычного. Это был тот же самый нос и тот же рот, да и маленький шрам, рассекающий левую бровь, был не более заметен, чем вчера. Все как всегда, и вместе с тем, все по-другому, потому что между зеркальцем и мной было то же расстояние, та же прерванная связь, которая, как мне казалось, всегда существовала между совершенными мною вчера поступками и моим сегодняшним их восприятием. Но это не проблема.

Я не пытаюсь разобраться, где мое истинное «я»: в человеке, смотрящем на отражение или в самом отражении; в человеке, который совершает поступок или в человеке, который этот поступок осмысливает. Ведь теперь я знаю, что коварна сама структура языка. Трудности возникают, как только я начинаю использовать слово «Я». В самих вещах противоречия нет, оно есть лишь в словах, которые мы придумываем для их обозначения. Слово «Я» имеет расплывчатое определение и содержит в самом себе собственную несостоятельность и противоречие.

Проблемы нет. Откуда-то из самого дальнего края вселенной донесся смех гиены. Тогда я отвернулся от лица в зеркальце. За этот промежуток времени я выкурил девять сигарет.

Тело плыло вниз по течению, гибкое как спутавшиеся водоросли. Она была прекрасна своей бледностью. Я не говорю о лице, хотя оно мне тоже нравилось. Прекрасно было то, как ее полностью расслабленное тело отдалось воде; длинные белые раздвинутые ноги плывут на поверхности, а ступни слегка уходят в глубину.

Свесившись за борт баржи с багром в руках, я не думал о ней как о мертвой женщине, не думал, даже глядя на ее лицо. Она

была похожа на прекрасный белый водяной гриб, странное светящееся нечто, поднявшееся из глубин. Ее плоть напоминала мясистый зрелый плод.

Но прекраснее всего были ее волосы. Плывущая по воде трава. Живая трава. Само тело было медлительным, тяжелым, вялым, а волосы были похожи на подвижные усики насекомых. Они одновременно и ласкали воду, и впитывали её.

Из оцепенения меня вывел Лесли, крикнув, чтобы я активнее работал багром. Только после этого я притянул тело к барже.

Мы стали вытаскивать ее руками. Прикосновение к холодной плоти заставило меня двигаться быстрее. Тело выскользало из наших рук и тупо и некрасиво билось о днище баржи. Только прикоснувшись к этому телу, я понял, насколько оно раздулось.

Лесли сказал: «Господи боже, да держи ты ее, черт возьми».

Я наклонился так, что мое лицо почти коснулось воды, и правой рукой схватил одну из ее лодыжек. Тогда она плавно перевернулась, как толстая рыба. Вместе мы вытащили ее из воды и перекинули через планшир. При этом с нее стек настоящий водопад. Тело шлепнулось на дощатую палубу. Лужи воды быстро образовались у ее колен и подбородка.

Мы посмотрели на нее, потом друг на друга, но никто из нас не проронил ни слова. Все это выглядело вульгарно. Такова смерть. Одновременно страшна и вульгарна.

«Сто тридцать по одиннадцать пенсов за фунт», — неуместная мысль. Не знаю, как она пришла мне в голову, и почему-то, отчасти из нежелания шокировать Лесли, я не высказал эту мысль вслух. Позже вы поймете, что я имею в виду.

«Скорая» приехала только после завтрака. Вряд ли они торопились, ведь я сказал им по телефону, что она была мертва. Мы спрятали ее под двумя мешками картошки, чтобы не напугать ребенка. Потом я пошел позвонить, а когда вернулся, сел завтракать с Лесли, его женой и сыном.

«Что, сегодня яичницы не будет?» — спросил я. Элла сказала «нет», она забыла купить яйца вчера, когда ходила в магазин. Но я знал, что это неправда. Я ведь видел, как она доставала их из корзины, когда вернулась. Меня это разозлило: она даже не удосужилась вспомнить, как она внимательно изучала каждое яйцо, потому что боялась, что могла по дороге одно из них разбить, а я все это время стоял рядом в каюте. Я был оскорблен.

— Соль? — спросил я. И этот единственный слог выразил все мое недоверие.

— У тебя перед глазами, — сказала она.

Соль промокла. Мне пришлось ножом отковыривать ее от тарелки. Элла проигнорировала царапающий звук, а Лесли продол-

жал читать газету. Лицо его при этом слегка дергалось. Такое бывало с ним иногда.

Только когда я добрался до бекона, я понял, что они ели яичницу. На их вилках все еще были видны ее остатки. И это после того, как я бегал через всю пристань до телефона... Лесли с шумом поднялся, забыв попросить вторую чашку чая. Ему было стыдно. Элла стояла ко мне спиной, и я выругался на нее про себя. Через минуту она тоже поднялась на палубу, забрав с собой ребенка, и я доедал свой завтрак один.

Мы все находились на палубе, когда приехала «скорая». Это была машина новой модели, обтекаемой формы. Люди в ней тоже выглядели солидно. Двое полицейских прибыли одновременно. Один из них был сержантом, и Лесли выбрался на берег, чтобы поговорить с ним. Джим, ребенок, сел на перевернутое ведро на носу баржи, чтобы лучше все видеть. Он ел яблоко. Я все еще не мог прийти в себя. Сел на люк и ждал. Я смотрел на отражавшийся в воде быкообразный силуэт буксира, который шел вверх по течению. На том берегу окруженный подъемными кранами и строительными лесами стоял корабль. «Уплыть бы отсюда на таком корабле, — подумал я. — Прочь. В Монтевидео, Макао, куда угодно. Какого черта я здесь делаю? Проклятый Север». Было еще рано и только начинало светать, но над крышами уже собиралось облако прозрачного дыма.

Затем на причал приехала «скорая», и санитары поднялись на баржу. Я показал им, где лежало спрятанное под мешками тело, и отошел в сторону. Я снова думал о мертвой женщине, яичнице и соли, и на меня нагоняла тоску мысль о том, что это было начало дня, а не конец. Все дни были похожи один на другой, как бусины на нитке. Только работа на барже и разговоры с Лесли. Я ведь редко когда говорил с Эллой. Казалось, она меня недолюбливала, накатывало такое ощущение, что она мирится с моим присутствием только из-за мужа: необходимое зло этот наемный работник.

И тогда я увидел, как Элла развешивает белье на корме.

Я часто видел, как она это делает раньше, но это никогда не производило на меня такого впечатления. Я привык думать о ней, как о жене Лесли (вечно орущей на него за что-нибудь или с издевкой называющей его мистер Всемогущий), а не как о женщине, которая способна привлечь другого мужчину. Это никогда не приходило мне в голову.

Но вот она стояла спиной ко мне, изо всех сил пытаюсь не оборачиваться, притворяясь, что ее не волнует происходящее: ни ребята со «скорой», ни все остальное. И я вдруг понял, что смотрю на нее другими глазами.

Она была полной женщиной, не старше тридцати пяти с подтянутыми ягодицами и широкими бедрами, и на ней было облегающее зеленое шерстяное платье, которое задиралось выше колен, когда она тянулась вверх, чтобы развесить белье на веревку, а её розовые щиколотки при этом выскакивали из туфель.

Да, она была полной, но ее талия была стройной, как, впрочем, и ноги, и вдруг я понял, что мне нравится ее крепкое сочное тело. Я наблюдал за ней и представлял, как она идет ночью по парку, немного торопливо стуча каблучками, а ее полные белые икры движутся прямо передо мной, как светляки в темноте. Я даже мог представить мягкий звук от соприкосновения ее ляжек. Когда она тянулась вверх, ее ягодицы напрягались, а шерстяное платье подчеркивало их форму, потом она опускалась, нагибалась вниз и отжимала воду со следующей вещи.

Вдруг она обернулась. Любопытство взяло верх, и она увидела, что я на нее смотрю. Казалось, она была озадачена. Она слегка покраснела, может быть, вспоминая яичницу, а потом очень быстро вернулась к работе.

Сержант полиции записывал что-то в маленький черный блокнот, иногда облизывая огрызок карандаша, а другой коп с открытым ртом смотрел на тех, кто нес носилки, причем последние, казалось, не торопились. Они положили свою ношу на набережную и вопросительно смотрели на сержанта полиции.

Тот подошел и заглянул под простыню, которую накинута на тело. Кто-то сплюнул. Я снова отвернулся.

Краем глаза я наблюдал за движением ног Эллы.

Четверо взявшихся неизвестно откуда мальчишек (из тех, что вечно слоняются по пустырям, приходят поглазеть на похороны или дорожные происшествия) наблюдали за происходившим с расстояния около 5 ярдов. Они стояли там почти с самого начала. Теперь тот полицейский, что постарше, подошел к ним и велел уйти.

С неохотой они отошли не так далеко и остановились. Они хихикали и перешептывались, а потом завопили на подававшего им знаки полицейского и убежали. Но опять же недалеко. Только за угол сарая на другом конце набережной. И я видел, как они высовывают головы из-за угла, карабкаясь друг на друга, чтобы все увидеть. Помню, у одного из них были огненно-рыжие волосы.

Ребята со «скорой» снова подняли носилки, но один из них споткнулся. Голая белая нога выскочила из-под простыни и стала волочиться по земле. Я взглянул на Эллу. Она все видела. Она была напугана и одновременно заморожена этой сценой. Не могла оторвать от нее глаз.

«Эй!» — сказал санитар, который шел позади. Они снова опустили носилки, кто-то из впереди идущих повернулся и спрятал ногу обратно, все это он проделал так, как будто ему было стыдно.

А потом они подняли носилки в «скорую» и захлопнули двери. В этот момент Джим доел яблоко и кинул огрызком в кота, который лежал, свернувшись клубочком на самом краю причала. Кот подскочил, немного пробежал, потом остановился и гордо медленно пошел, задрвав хвост. Джим вытащил какую-то свистульку и начал на ней играть.

Сержант закрыл свой блокнот и пошел поговорить с водителем «скорой». Лесли закурил трубку.

В молодости Лесли был сильным мужчиной и все еще оставался таковым, но в мускулах уже не доставало твердости, а второй подбородок придавал его голове вид квадратной розовой карамели и, поскольку брился он нечасто, его румяные щеки были покрыты бесцветной, всё больше разраставшейся щетиной. Его маленькие голубые глаза были похожи на плавающие в мягком воске пуговицы. Они могли быть добрыми или злыми. Когда он напивался, они розовели и не предвещали ничего хорошего.

«Скорая» уехала, а сержант снова пошел поговорить с Лесли. Помню, мне это показалось чудным, что он все время обращается к Лесли. Я наблюдал, как кот возле причала обнюхивал что-то похожее на рыбную кость. Он пытался перевернуть ее лапой. Потом я услышал, как Элла кричит на Джима. Похоже, она его только заметила.

— Разве я не велела тебе оставаться внизу? Все расскажу отцу!

А потом она набросилась на меня и сказала, что мне должно быть стыдно, что я не уследил за ребенком. Может, я думал, что ему будет полезно увидеть труп? Для чего тогда было прятать его под мешками? Я уже собирался сказать, что Джим не выглядел таким уж испуганным. Он сидел и наигрывал на своей свистулке «Ты потеряна навеки, дорогая Клементина». Но я видел, что Элла не особенно злится. Было заметно, что она пытается так встать, чтобы я снова смотрел на нее сзади. Это было забавно, и я промолчал. Она отвернулась, подняла таз, где раньше было мокрое белье, и спустилась в каюту. И вдруг я засмеялся. На меня смотрел Джим, но я продолжал смеяться.

* * *

Мы обсуждали самоубийство это или убийство. Она спросила об этом мужа, как только уехали полиция и «скорая», а сержант наконец-то отстал от Лесли, который с погасшей трубкой вернулся на баржу.

«Что сказали полицейские?» Я внимательно за ней наблюдал. Она была любопытна, но вместе с тем хотела сделать вид, что в отличие от нас, она выше всего этого.

Лесли сказал, что сержант ничего не знал. Но на теле не было никаких отметин, так что вряд ли это было убийство.

Я заранее знал все, что скажет Элла. Что мужчины никогда не могут оторвать глаз от женщины, особенно если на ней нет одежды, и я подумал, что эти слова прозвучали как нельзя более естественно из уст женщины одетой в облегающее зеленое шерстяное платье, которое так хорошо подчеркивало форму ее ног. Когда она говорила, я понял, что мокрое белье на веревке было частью общей картины, фоном, оттенявшим резкую сексуально-озабоченную женщину, взывающую к Господу, чтобы он ниспослал кару на презираемых ею мужчин.

Создавалось ощущение, что ее слова были обращены скорее ко мне, чем к Лесли, хотя говорила она с ним. Она как бы упрекала меня за то, что я на нее смотрел. Она сказала, что мы оба — подлые ублюдки. А потом отвернулась.

Лесли мне подмигнул. В белках его глаз я заметил красные пятна. Он сказал, что Элла утром встала не с той ноги. Он кивком показал на нее (она подметала палубу) и снова подмигнул мне.

Но я вспомнил, что утром меня разбудил ее смех, доносившийся сквозь деревянную перегородку между нашими каютами и, может быть, именно с него-то всё и началось, а не с развешивания белья. И еще я думал, что она, возможно, злилась на меня за то, что я знал о купленных ею яйцах и уличил ее во лжи.

Лесли сказал: «Теперь-то какого хрена им надо?» Я увидел, что «скорая» остановилась по другую сторону пустыря, который доходил прямо до причала. Водитель, не выходя из машины, разговаривал с женщиной в простой одежде.

Мы наблюдали за ними в полной тишине, а потом мужчина поднялся на подножку «скорой», и они уехали.

— Здесь не все так просто, как кажется, — сказал Лесли. Я пожал плечами и сказал, что мы тут ни при чем.

— Но ведь мы нашли тело.

— Это мог быть кто угодно.

— Но это были мы.

В нем проснулся собственник. Мне не хотелось с ним спорить. Я думал об Элле и хотел, чтобы Лесли убрался отсюда подальше, и я мог бы пофлиртовать с ней. Я хотел ее.

— В любом случае, — сказал я, отворачиваясь. — Все уже позади.

— Может быть, — сказал он.

А потом было нечего делать, пока мы ждали машину с грузом. Мы должны были после обеда повезти антрацит в Эдинбург и Лейф. У нас была моторная баржа, так что мы могли доплыть по реке до канала, не дожидаясь буксира. Мы стояли на палубе без дела и чувствовали себя неловко, потому что Элла ни на минуту не прекращала работать. Закончив подметать, она принялась чистить картошку в деревянную бадью. Время от времени раздавался плеск от падающей в воду очищенной белой и сияющей картофелины. Она сидела как раз на таком расстоянии от нас, что было трудно определить, слышит ли она наш разговор, и при каждом взгляде на нее мне казалось, что она только что отвернулась, хотя, возможно, у меня просто разыгралось воображение. Вполне вероятно, ведь с тех пор, как я увидел ее, развешивающую белье, я не мог выбросить ее из головы, и я ощущал легкую тошноту в желудке при мысли о том, что она может ко мне испытывать то же, что и я к ней. В первый раз за долгое время я почувствовал себя бездельником, потому что она на меня смотрела. Лесли чувствовал то же по вполне объективным причинам («Ты что весь день так будешь прохлаждаться?» — кричала она на него), и он старался занять себя хоть какой-нибудь работой, но явно не мог придумать ничего путного. Элле, казалось, было безразлично, делали мы что-то или нет. Она просто сидела на маленьком деревянном стуле, выставив на показ свои большие голые колени, чистила картошку и напевала себе под нос. Я не слышал ее пения, но мне так казалось, что она пела, а по уголкам ее губ было заметно, что она улыбается.

Лесли заговорил о трупке. Он сказал, что она могла упасть в воду. Если бы кто-то столкнул ее, на теле остались бы следы. Разве не так? Она бы сопротивлялась. Я спросил его, как он объяснит то, то на ней была лишь короткая нижняя юбка, а на ее ягодицах оказались ссадины. Он сказал, что она, возможно, была пьяна.

Он вытряхнул трубку и вновь наполнил ее из серого непромокаемого кисета. Теперь, когда он произнес вслух эту фразу, я думаю, она прозвучала неубедительно далее для него самого. Я обернулся, будучи уверенным, что Элла все слышит. Она улыбалась, глядя на картофелину в своих руках. Я увидел, как картофелина свинцовым грузом упала в бадью. Элла достала из мешка другую.

Лесли спросил, что я думаю обо всем этом. Может, она устроила себе веселую ночь? То есть, может она была шлюхой, которую снял офицер с какого-нибудь судна. Лесли пытался представить, как она лежит пьяная на палубе, ее юбка задрана выше колен, а ноги раскинуты в ожидании мужчины, который потом избавился от неё.

Я сказал: «Она могла быть беременна».

Но он ответил: «Нет, мы бы заметили».

В его голубых глазах застыло беспокойство, стараясь сосредоточиться, он сдвинул брови, а его розовая, похожая на сахарную, голова слегка отклонилась назад, как будто от боли. Я думал о белом теле, медленно плывшем под поверхностью воды, и о мокрой нижней юбке, которая как лепесток цветка приоткрывала кремовые полные бедра. Полицейско-судебные подробности, беспорядочная серия утренних образов: кот, коп с открытым ртом, неожиданно выскочившая из-под простыни нога, просто одетый человек, запрыгнувший на подножку «скорой» — все это, и даже неожиданный холод, который ощутили мои пальцы, когда я схватил лодыжку, не имело к этому отношения.

Как ни странно, Элла напротив, была ко всему этому близка (хотя, строго говоря, она появилась в самый последний момент). Причем настолько близка, что я не мог думать о трупе, не вспоминая о ней. Я помню, что в тот момент думал о том, как полны ее губы и как иногда, когда она готовила в каюте, над ее верхней губой проступали маленькие капельки пота, сверкавшие на свету.

Потом я увидел другой образ. В тот день Джим пролил чашку чая на платье своей матери. Она с криком вскочила, и тут в трех футах от меня я увидел тяжело нависавший низ ее живота, ее плоть стала видна через оказавшуюся теперь прозрачной шерстяную ткань, которую она торопливо подобрала перед собой, как полотенце. Так она спустилась в мою каюту, откуда велела принести ее синюю юбку из саржи. Тогда меня это позабавило, может потому, что Лесли сказал, что по-настоящему горячей она становится лишь в такие моменты.

Когда Лесли снова заговорил, я сначала подумал, что речь идет об Элле.

— Она была чуть полновата. — Кто?

— Покойница.

Он снова подмигнул.

— Это из-за воды, — сказал я.

— Ты так думаешь?

Я прикурил сигарету. Лесли и Элла были странной парой.

Он, должно быть, лет на двадцать старше нее. И поскольку между нашими каютами была лишь деревянная перегородка, я знал о них очень много. Я, например, знал, что Лесли импотент. А однажды ночью, когда он напился, я слышал их ссору. Они шепотом ругались по ту сторону перегородки, а потом завалились на стол. Звук шлепающейся на деревянный стол плоти, испуганный голос ребенка и сильный удар, за которым последовал крик

Эллы. Она лежала на столе лицом вниз, а он порол ее кожаным ремнем. По крайней мере, я, не видя ничего, так себе все это представлял. Через некоторое время он перестал шуметь. Я слышал, как он грубо говорил с сыном. Элла не проронила ни звука.

— Что ты думаешь, Джо? — спросил Лесли.

Я засмеялся и начал сочинять историю про ночной мост, и пока я говорил, то понял, что повысил голос. Я осознал, что хотел, чтобы Элла услышала мой рассказ. Я сказал Лесли, что женщина подошла к мосту одетая, а потом спокойно всё с себя сняла и упала с моста в воду, как роза.

Лесли выглядел озадаченным. Он не был уверен, пытаюсь ли я над ним подшутить или говорю всерьез. Он осторожно спросил у меня, что это была за женщина.

— Обыкновенная женщина, — сказал я.

— Необыкновенная! — воскликнул в тон мне Лесли, неосознанно взглянув на жену.

Я сказал, что он может называть ее эксгибиционисткой. Он спросил, что это значит. Он был подозрителен. Он не хотел показаться глупым и был готов в любую минуту засмеяться над шуткой, смысл которой пока был ему непонятен. Он вынул трубку изо рта.

Я взглянул на Эллу. Она смотрела в деревянную бадью, но я видел, что она перестала чистить картошку. Я сказал, что это была такая женщина, которая не покончила бы с собой в одежде.

Когда я снова посмотрел на Эллу, она бросала очередную картофелину в бадью. Раздался всплеск. Она взяла еще одну и начала ее чистить.

Глава 2

Вскоре приехали четыре грузовика с антрацитом. Они по очереди подъезжали задом к краю причала и вываливали груз по металлическому желобу прямо в трюм. Баржа с открытой палубой больше подошла бы для этого груза, но Лесли не приходилось выбирать. Для нас это была грязная работа. После того, как очередную порцию антрацита сваливали в трюм, мы должны были раскидывать его лопатами, чтобы он лег равномерно, и баржа бы не накренилась. Сама работа была не так уж сложна, но стоявшая в трюме пыль забиралась в глаза, нос и ушные раковины. Мне никогда не нравилось возить антрацит и уголь. Пыль набивалась в ноздри, и от этого раскалывалась голова, и даже ванну нельзя было потом принять. Нам приходилось мыться в деревянной бадье на палубе. Вода была ледяной, правда в нее подливали чайник горячей воды, чтобы слегка подогреть.

Погрузка заняла полтора часа. Мне было жарко, я вспотел, а угольная пыль впивалась в мою кожу под рубашкой. Когда Лесли вдруг произносил имя Эллы, я ощущал смутное возбуждение, представляя, как ко мне прижимается ее чистое, теплое, крепкое тело. Я думал о том, как она отреагирует на такую близость. Может, ее обнаженное тело задрожало бы и отстранилось, а может встретило бы меня ответным неутолённым желанием. Я попытался представить ее без одежды, но сыпавшийся антрацит и поднимавшаяся от него пыль не позволяли разглядеть ничего, кроме смутного белого очертания. Когда мы выбрались наверх, Лесли подписал квитанцию о получении груза, и грузовики уехали. Мы закрыли люк трюма, и все, что нам оставалось сделать, — это смести пыль с палубы и помыться.

Поскольку баржа стояла на якоре в общественном месте — на пристани Клайда в Глазго, и плавали мы обычно по каналу, соединявшему Клайд и Форт, а потом возвращались обратно с другим грузом, который брали в Эдинбурге и Лейфе, — мы могли раздеться только до пояса, и это меня раздражало, потому что я чувствовал угольную пыль в ботинках и под брюками. Мы могли только, подвернув штаны до колен, встать в бадью с водой. Элла спустилась в каюту за чайником горячей воды, а мы с Лесли отдыхали, сидя на люке. Мне больше не было скучно. С тех пор как я проснулся тем утром, начало что-то происходить — я не говорю о впечатляющих зрелищах вроде плывущего по реке трупа, просто во мне проснулось какое-то волнение. Я стал предвкушать различные события. Закручивая сигарету, я ощущал легкую дрожь в пальцах. Это, несомненно, от интенсивной работы лопатой. Было приятно дышать свежим воздухом. Мне хотелось, чтобы Элла поторопилась с водой.

Лесли, как всегда, курил трубку. Я вдруг осознал насколько курение трубки было естественным для него делом. У него были большие, тяжелые руки работяги: короткие пальцы, на одном из которых золотое кольцо с печаткой. Его ногти были короткими, потрескавшимися и сильно искусанными, а осевшая на них угольная пыль придавала им серо-розовый оттенок. Мои руки были почти такие же. Только у меня не было кольца, а пальцы были чуть длиннее и не такие грубые. Взглянув на свою влажную серо-розовую ладонь, я подумал, что если прижать ее к листку бумаги, на нем останется ясный, отчетливый след. Одна только мысль об отпечатках пальцев заставляла меня почувствовать себя виновным, и я стал думать о том, как человек может уничтожить все следы своего пребывания где бы то ни было. Лесли прервал мои мысли, сказав, что мы можем отчаливать, как только поедим.

Я спросил, где мы остановимся на ночь. С тех пор, как я стал по-особому относиться к Элле, ночь открывала для меня массу новых возможностей, особенно, если рядом окажется паб, куда обязательно пойдет Лесли. Мне было совершенно безразлично, где мы остановимся, лишь бы там имелось питейное заведение. А так все маленькие города вдоль канала были похожи один на другой, после десяти вечера почти нигде уже не горел свет, спать там ложились рано.

Лесли сказал, что не знает, где мы остановимся. Все зависит от того, как далеко мы уплывем до темноты. Он сказал, что мы никуда не торопимся. В субботу нам надо взять груз гранита в Лейфе, а сегодня только вторник.

Прибыл чайник с горячей водой. Джим поднялся на палубу вместе с матерью. Он снова ел яблоко и смотрел на нас.

— Этот парень ест слишком много фруктов. У него живот разболится, — грубо сказал Лесли.

— Оставь мальчика в покое, — сказала Элла, поднося к нам два ведра. — У меня живот болит от твоего нытья.

Ведра были наполовину наполнены холодной водой. Элла вылила по полчайника кипятка в каждое ведро, правда мне показалось, что со мной она была щедрее.

— Эй, не вылей ему весь кипяток! — крикнул Лесли.

— Помолчи лучше! Ведешь себя, как ребенок! — ответила Элла.

Мне нравилось как она наклонилась, наливая горячую воду и помешивая ее рукой. Я заметил у нее под мышкой влажное пятно. В том месте зеленая ткань обесцветилась, приобрела желтый оттенок и стала похожа на осенний лист.

Мы с Лесли разделись по пояс и начали намыливать грудь и руки, пока Элла готовила внизу обед.

Несмотря на возраст, у Лесли все еще была широкая грудь, но она плавно переходила в бесформенное брюшко. Я вдруг подумал, что он, должно быть, весил около двухсот фунтов.

Лесли фыркал, растирая свою шею и уши, похожие на маленькие красные лампочки по обе стороны головы, сияющие и поросшие седыми волосками. Он был весь в татуировках. Тело его украшали змеи и монограммы, символы, сердца и якоря зеленого, синего и красного цвета. Он сделал их, пока служил во флоте. По его словам каждая татуировка была сделана в память о какой-нибудь женщине, и он мог описать грудь, ноги и зад каждой из них, и как они кричали, в основном как дикие кошки, только от одного взгляда на его татуировки. Воображение у него разыгрывалось — будь здоров. Конечно, он не делал наколку в память о каждой шлюхе, с которой переспал. Этой чести удостаивались только особенные женщины. В любом случае, большинство из них этого

не стоило.

Лесли встретил Эллу в столовой для матросов, куда она заглянула в поисках отца. Лесли пил с ним в уборной, поскольку официально там спиртное не подавали. Оба они были пьяны, и отец Эллы настаивал на том, чтобы Лесли заглянул к ним домой. К тому времени Лесли уже 10 лет проработал на море кочегаром. Отец Эллы умер вскоре после их свадьбы, и Лесли бросил море и начал работать на барже, которую унаследовала Элла.

Когда мы вымылись спереди, мы помогли друг другу вымыть спины, вытерлись и надели сухие рубашки. Потом мы подвернули брюки и вымыли ноги. Все это время Джим стоял, уставившись на нас, и Лесли велел ему бежать вниз и сказать матери, что мы будем через минуту. Мне уже самому не терпелось спуститься вниз. Когда мальчишка ушел, он сказал, что мы заночуем в Лэарсе. Он знал там один кабачок, где можно поиграть в дартс.

Больше всего Лесли гордился своей мастерской игрой в дартс. Он очень хорошо кидал дротики изящным движением руки, которое никак не сочеталось с его большим грузным телом.

Как сейчас вижу его, стоящим, выдвинув правую ногу вперед, слегка высунув кончик языка, прицелившись в мишень одним из своих дорогих металлических дротиков, держа его кончиками коротких пухлых пальцев.

Но меня эта игра не увлекала.

Дартс утомлял меня так же, как и разговор с Лесли. Меня интересовала только его жена.

После того, как мы вылили за борт ведра с водой, мы пошли есть. Пахло приятно. Она приготовила суп, а на второе — картошку с котлетами. Джим стучал ложкой по столу, и его отец велел ему успокоиться и вести себя хорошо. Я смотрел, как Элла разливает суп по тарелкам. Из кастрюли шел пар. Рядом стояли еще две кастрюли. Я мог различить кипение картошки и шипение котлет. Я хотел есть. Сначала она подала еду сыну, потом Лесли и мне, и Лесли раздал хлеб, который она порезала на куски. И мы оба макали наш хлеб в суп. Через минуту она села за стол. Лесли и я сидели по разные стороны стола, а она сидела посередине, напротив сына. В правой руке она держала ложку, а левую положила на стол.

Пока мы ели, я не мог оторвать от нее глаз. Она неожиданно вошла в мою жизнь: женщина, развешивающая постиранное белье на фоне пустыря и заводской трубы. Как будто кто-то полил на мою шею теплой водой, и она сбегала теперь по груди и спине, стекала по ногам до лодыжек. Но ощущение не проходило и не остывало, как вода. Оно оставалось на моей коже, напоминая о ней. Я не мог оторвать от нее глаз и, даже опуская глаза, чтобы

обмакнуть в суп свой хлеб, все равно ощущал ее присутствие.

Она была близко. Каждое мгновение, даже то, когда впервые за три месяца на барже я стал видеть женщину в жене Лесли, казалось, приобретало один и тот же смысл. Было неважно, что она делает: тянется за хлебом ли, показывая желтое пятно под мышкой или стоит у плиты, раскладывая котлеты, при этом фартук свободно завязан на животе, или откидывает назад свои короткие прямые окрашенные волосы, которые она, по-моему, никогда не расчесывала: все это производило на меня одинаковый эффект. И я не мог оторвать глаз от ее шеи желтого цвета, какой иногда приобретает кожа в этом месте, и у меня не могли не возникнуть ассоциации с меняющимся цветом травы. Сам стебель зеленый и относительно сухой, а внизу, там где травинка входит в землю, она мягкая, молочного цвета. Она гладкая желто-белая, как слоновая кость. На ней отпечаток жизни или силы, дающей жизнь. И если сравнить женщину с травинкой, тогда ее шея, это то место, где стебель входит в землю. Туда лишь изредка падает солнечный свет. А все, что ниже шеи, стремительно движется вниз к центру земли, как влажные белые корни растения.

Я часто об этом думал. Вот почему я не мог отвести глаз от ее шеи. И пока я ел суп, я думал об этом.

Она встала, чтобы подать второе.

Когда она встала, ткань платья мягко опустилась на ее ноги, и я еле сдержался, чтобы не прикоснуться к ней.

Мы почти не разговаривали за обедом. Она пару раз отругала сына за то, что он испортил скатерть, и спросила Лесли, когда он намеревается отчаливать. Он сказал, что хочет отправиться в путь, как только мы закончим обедать, и это меня разозлило, потому что я люблю полчаса отдохнуть после еды. Но Лесли все делал по своему: его лодка — его деньги. Но моя злость крылась где-то в глубине души, как случайная мысль, которой не придаешь значения. В это время я был слишком поглощен Эллой, чтобы придавать большое значение словам Лесли.

Когда мы ели второе, Лесли сообщил жене, что хочет остановиться на ночь в Лэарсе. Она сухо ответила, что ей неважно, где он напьется. В защиту Лесли сказал, что я вызвал его поиграть в дартс.

Элла приподняла одну бровь.

— Ты играешь в дартс? — спросила она недоверчиво.

Я не знал, что сказать, потому что это был один из тех вопросов, которые задают таким тоном, что ты чувствуешь себя маленьким и косноязычным, и, если вопрос такой же неожиданный как этот, ты даешь неубедительный и невразумительный ответ похожий на оправдание.

— Иногда, чтобы убить время, — ответил я.

— Я думала, ты можешь найти и лучший способ провести время, — сказала она строже, чем обычно.

Не помню, что я потом сказал, но это вызвало у Лесли смех.

Элла встала и пошла к плите. Джиму было интересно, над чем смеется его отец и он спросил об этом мать, а та велела ему придержать язык. «Ешь свою картошку», — сказала она сыну, а Лесли: «Смотри не лопни от смеха!»

Лесли доел все, что было у него на тарелке и оттолкнул ее. К тому времени, чувствуя, что я что-то не то сказал, я и сам закончил есть и прокручивал в уме произошедшую только что ситуацию, в которой, не смотря на всю мою настороженность, я упустил главное: возможность в любом случае дать ей понять, что я знал, почему она так легко приняла тот факт, что Лесли любит дартс, и почему она саркастически спросила меня, не люблю ли дартс я. Возможно, поставив передо мной необходимость отвечать на неприятный вопрос, она таким образом защищала себя от собственных страхов. И ее непрекращающийся сарказм в течение последних нескольких минут, хотя и вполне привычный для наших совместных трапез, сейчас стал еще жестче, потому что несколько часов назад у меня возникло желание перейти в другой лагерь: смеяться с ней над Лесли, а не с Лесли над ней. Так что когда она предложила нам выпить чаю, и я заметил, что Лесли собирается отказаться, потому что некогда и пора отчаливать, я согласился. «А ты, Лесли?» — прозвучал вопрос, и поскольку я уже согласился, он пожал плечами и тоже сказал «да».

Я знал, что ей было любопытно, почему я так быстро согласился, и, возможно, её это позабавило. Её лицо приобрело странное выражение, а на выступавших по-монгольски скулах появился румянец. Я заметил это ещё утром, когда она развешивала белье и вдруг, оглянувшись, заметила, что я на неё смотрю. Пока она заваривала чай, она улыбалась и напевала так же, как когда она слушала мою версию того, как женщина оказалась в воде. Я догадывался, что она знает о моём к ней интересе.

Она принесла чашки и поставила их на стол, а потом вернулась за чайником, и, наконец, снова села на своё место.

Я скручивал сигарету и пытался казаться непринуждённым, но, на самом деле, я был насторожен и не знал, как далеко мне можно зайти. Лесли читал утреннюю газету с видом болезненно-недоверия на лице, а мальчуган держал перед собой журнал комиксов и под столом по-детски качал ногами.

Всё это, плюс тот факт, что мы были отделены от окружающих двумя газетами, подсказало мне интересную идею.

Конечно, я рисковал, и, возможно, ошибался насчёт всего произошедшего, но, в любом случае, я не думал, что она меня выдаст. В конце концов, она была женщиной — женщиной, которая выросла на баржах. Я смотрел на лёгкую струйку пара, поднимавшуюся из чайника, стоявшего на плите.

Медленно, очень медленно я придвинул к ней свою ногу, и затем, приподняв штанину, стал гладить обнажённой голенью её ногу нежно вверх-вниз. Её тело было тёплым, кожа немного грубой. У меня было время всё прочувствовать. Я смотрел, как румянец поднимается от её шеи к щекам, видел, как она замерла, чувствовал, как её тело дрожит, а она притворяется, что ничего не происходит. Минуту мы сидели в состоянии эзотерического транса. Передо мной её профиль: немного приподнятый подбородок, открывающий чёткую чувственную линию её шеи, её напряжённые, как две ракушки, ноздри, и её правая рука на столе поигрывающая солонкой. Следующую минуту я сохранял своё положение, нежно массируя своей голенью её обнажённую плоть. Рядом шуршали газеты, Лесли кашлял, а чайник на плите свистел всё сильнее.

Я нетерпеливо положил руку на её правое колено и забрался под платье. Её кожа была тёплой, мягкой и упругой. Дыхание Эллы участилось. Она не решалась на меня взглянуть. Я нежно гладил её, мои пальцы пробуждали желание, и это нетерпение было вызвано сознанием того, что моё наступление может ни к чему не привести, в любой момент нашу связь может оборвать произвольное движение одного из возможных свидетелей. В этот момент мои пальцы коснулись запретной ткани её старомодных трусиков. Кончики моих пальцев погрузились в её плоть. Одновременно я чувствовал, как она опустилась вниз невероятно медленно и невероятно тяжело. Она скользнула на деревянном стуле так, что её тело едва заметно приподнялось навстречу моим пальцам.

В этот момент она на меня посмотрела. Это был почти ненавидящий взгляд, но вместе с тем наполненный страстью. Я вдруг почувствовал, как глупо смотреть на неё и находиться так далеко.

Я уверен, она чувствовала то же самое, но, на её взгляд, это было похоже на предательство. Я попытался разубедить её, взглянув многозначительно на двуспальную кровать, где она спала с Лесли. Но эффект оказался противоположным тому, которого я ожидал. Она быстро выдохнула сквозь напряжённые ноздри и освободилась от моих пальцев, исследовавших её тело, в то же время она отодвинула свою ногу от моей медленным рефлекторным движением. Сильными пальцами левой руки она схватила моё запястье и оттолкнула мою руку. В таком встревоженном

состоянии она, должно быть, толкнула ребёнка, потому что нашу идиллию вдруг нарушил его голос: «Эй! Перестань толкаться, мам!» И Элла всплеснула руками над столом. В этот момент Лесли отложил газету и сказал: «Так, Джо, если ты допил свой чай, то за работу».

Элла была возбуждена и смущена. Она собирала чашки и велела ребёнку перестать орать, если он не хочет, чтобы его выпороли. Я встал и сказал Элле спасибо за чай, но она только прошептала что-то в ответ, не оборачиваясь. Она скребла ножом кастрюлю из-под картошки, и я не мог разглядеть её лицо.

Глава 3

На палубе воздух был холодным и серым, а за сараями кирпичная заводская труба была окутана стойким грибообразным облаком исходившего из неё жёлтого дыма. Лесли сплюнул за борт баржи и отложил свою трубку.

— Пойду её заведу, — сказал он и снова спустился вниз.

Я отвязал канаты, и вскоре мы выплыли на середину реки и направились ко входу в канал. Вода была спокойной и пенистой, и, казалось, волны то льнули к барже, то разбегались от неё, оставляя на поверхности россыпи пенных плевков. Время от времени на некоторой глубине мимо проплывали пёстрые поплавки. Мы редко встречали какое-нибудь судно на своём пути. Позже, когда небо стало похоже на грязную линзу, Лесли напряжённо всматривался в бухту, из которой мы уехали, наверное, запоминая то место на воде, откуда мы вытащили труп женщины.

Вообще, становится скучно, когда привыкаешь ползти на барже вдоль канала, ждать, пока откроют шлюз и выровняется вода, но можно увидеть и некоторые интересные вещи, например, велосипедистов на тропинках, где канал пересекает город, играющих детей, флиртующие парочки. Последних очень много, особенно после заката в тихих местечках. Эти местечки там, куда не проложены тропинки, и куда можно добраться только преодолев высокий забор.

Возможно, вода привлекает их ничуть не меньше, чем уединенность, а еще, конечно же, риск. Летом их больше, чем мошкеры, а по вечерам можно услышать их смех там, где сломанные цветы свисают с берега и касаются воды. Плывающие цветы. Их редко можно увидеть — одни голоса.

Из всего, что мне приходилось делать, работа на канале мне больше всего по душе. Ты не привязан к одному месту, как в городе, и иногда, если не думать о том, как до смешного малы расстояния, возникает ощущение, что ты путешествуешь.

А в путешествиях что-то есть.

Баржа, пыхтя, продвигалась всё дальше по каналу, который, оставаясь позади, становился похожим на аккуратную черную ленту, разделяющую деревенский пейзаж на две зелено-коричневые массы. Вдалеке показался поднятый утлегарь. Он смотрелся нелепо, висел в воздухе, как какой-то бессмысленный знак.

В сумеречном вечернем свете он казался черным. Я был на корме у руля, а Лесли сидел на люке, закрывавшем вход в трюм, и курил трубку. Он лениво вглядывался в пейзаж, время от времени сплевывал и снова и снова зажигал свою трубку. Элла внизу убирала стол после еды, а ребенок сидел, скрестив ноги, на носу баржи, и с того места, где стоял я, он выглядел как одна из тех черных штук, которые всегда есть на телеграфных столбах. Лесли казался умиротворенным. Наверняка, он был погружен в мысли о том, как он блеснет своим умением попасть в яблочко в маленьком пабе Лэарса.

Я представлял, как он поднимет кружку пива к губам, сделает большой глоток, предварительно сдув пену. А потом он предложит мне сыграть в дартс.

Да, во всем была умиротворенность: в человеке, который вдалеке слева вспахивал поле, и в двух коровах, которые паслись впереди. Вокруг меня был свежий воздух и полная тишина, и где-то в глубине моей души — застывшее волнение.

Я стоял у руля, осознавая, какое влияние на меня оказывает Элла. Я ощущал тёплую тяжесть на своей коже, и эта тяжесть была сконцентрирована внизу моей спины и на ногах. Вдруг, вспоминая мелькающие полуденные картинки, я понял, что прикосновение важнее, взгляд.

Прикосновение было гораздо убедительнее, чем взгляд. Меня поразила мысль, что взгляд гипнотизирует поверхности предметов; больше того, взгляд и знает-то только поверхности, плоскости на расстоянии и незначительную глубину поблизости. Но влажность воды, которую чувствуют руки и запястья более интимна и более убедительна, чем ее цвет и даже чем плоская поверхность моря.

Глаз, думал я, никогда не подберется к сердцевине вещей, близкая связь отсутствует между моими глазами и цветком на подоконнике, так же как нет ее и между моими глазами и женщиной, с которой я собираюсь заняться любовью.

И я вспомнил Кэти, с которой я прожил два года до того, как попал на баржу. Я вспомнил как иногда смотрел на нее и ужасался чувству ее отдаленности. Например, она могла сидеть на кровати, поджав под себя колени, с книгой в руках. Почему-то это не убеждало. Она была здесь, но только косвенно, как обои на стенах

или телега, проезжающая за окном. Я помню, как еще в детстве любил трогать вещи, деревья, кошек, цветы. Мне не хватало просто увидеть фиалку или розу, мне надо было разрушить разъединявшее нас расстояние, прикоснуться к мягким лепесткам пальцами или щекой; мне надо было вдохнуть в себя их запах, чтобы он жил у меня внутри.

Так же было и с Кэти. Мне надо было подойти и прикоснуться лицом к ее лону, почувствовать ее запах, гладить ее рукой и, в конце концов, притянуть к себе все ее тело. Но даже этого было недостаточно. Даже прикосновение было ущербным. Она, например, могла лежать голая в моих объятьях. Внезапно мне хотелось увидеть, что это такое — мягкое, влажное и теплое. Ее тело. Но оно было абстракцией, удобной, как ценник на вещи. Оно не имело ничего общего с жизнью. Я отодвигался от нее и рассматривал: ее маленькие груди с крупными пурпурными сосками, твердый коричневый холмик живота и упругая мясистость бедер. Ее ягодицы были круглыми и желтыми, как мрамор.

Но я не мог прикоснуться к этим вещам. Я хотел трогать то, что вижу. Но я мог трогать только мягкое нечто, дрожащее и льнущее нечто. Взгляд и прикосновение могут быть смежными ощущениями, но их объекты абсолютно разные.

Когда я переставал видеть ее вздымающуюся грудь, прижимаясь к ней губами, чтобы запечатлеть ее в себе, та вещь, которую я хотел запечатлеть, ускользала от меня, и на ее месте оказывалось что-то мягкое и теплое. Между тем, что я трогал и тем, что я видел, не было близкой и непосредственной связи.

Совместить эти два ощущения было всё равно, что совместить камень и мелодию — нелепо, предательски абсурдно. Было чувство, что нечто от тебя ускользнуло.

Я улыбнулся, думая об этом. Кэти... Впервые я увидел ее на пляже на Западном побережье. Я оказался там, потому что хотел найти работу.

Я стоял, оперевшись локтями на балюстраду прогулочной дорожки, с которой открывался вид на песчаный пляж и море. Некоторое время я наблюдал за легким движением морского ветра, колыхавшего ткань цветного тента прямо подо мной. Там лежала девушка, пытавшаяся неловкими движениями намазать кремом собственную спину. Не знаю, заметила ли она меня тогда. Время от времени я опускал глаза, и каждый раз, когда я это делал, она прекращала попытки намазать спину и массировала рукой свои гладкие ноги. До них ей было добраться гораздо легче, и она мазала их очень чувственно.

Я наблюдал за этим минут десять. За это время я убедился, что она вызывала меня на контакт, и я боялся, что, если не подойду к

ней, она устанет, соберет свои вещи и пойдет искать более людскую часть пляжа.

Я быстро нашел ближайšie ступеньки, спустился на пляж и пошел по песку к ней. Я шел медленно, пытаюсь уловить ее реакцию.

Она была в солнцезащитных очках. Я чувствовал, что ее глаза за темными стеклами оценивающе на меня смотрят.

На какой-то стадии своих отношений мужчина и женщина выслеживают друг друга как животные. Это совершенно нормальный в большинстве ситуаций цивилизованный вид слежки, когда каждое движение противоположной стороны может быть по-разному истолковано. Это мера защиты. Человек может до последнего момента притворяться, будто он не замечает той сексуальной конструкции, которая может быть выстроена его собственными движениями. Человек не обязан признавать свое намерение соблазнить, пока он не уверен, что на этот соблазн согласны.

Но уверенным на сто процентов он быть не может: ведь другая сторона так же бдительна, так же не желает отдаться человеку, который не дал явно понять, что его намерения носят сексуальный характер, так как боится сделать это, не почувствовав предварительного согласия. Таким образом, мужчина и женщина вовлечены в своеобразный утонченный поединок, поскольку ни одна из сторон не может доверять другой настолько, чтобы перестать изображать неведение по поводу всего, что происходит между ними. В любом случае, мужчина может оказаться пуританином, а женщина может захотеть получить удовольствие от ухаживания, не завершеного половым актом.

Кэти, например, могла притвориться (что она и сделала) удивленной моим внезапным появлением возле нее на пляже. Ей было приятно показывать, как она гладит свои ноги, но я не мог знать, согласится ли она на то, чтобы их погладил я. Она это знала, как любая женщина, и предвкушала то, каким образом я раскрою перед ней свои намерения. В тот момент, когда она будет в них уверена, она будет готова согласиться или отказаться без учета моих желаний.

Я знал это и она это знала, когда я сел рядом с ней и предложил ей сигарету. Она её взяла. Мы болтали о погоде, о солнце, и это дало мне возможность взять в руки бутылочку с кремом для загара и рассмотреть её. Она сказала, что я могу воспользоваться кремом, если хочу.

Я был всё ещё полностью одет, и у меня не было с собой плавок, поэтому я ответил, что в этом нет смысла. Прежде чем она могла интерпретировать эти слова как моё отступление, я предложил

помазать ей спину и признался, что наблюдал за ней с прогулочной дорожки. Она притворилась, что ничего об этом не знала, но без лишних слов перевернулась на живот и подставила мне спину.

На ней был отдельный купальник из чёрного нейлона, нижняя часть плотно обтягивала ягодицы, а верхняя была спрятана под ней, за исключением тонкой нейлоновой полоски, пересекавшей её спину прямо под лопатками.

Я начал с поясницы, нанося крем всё более широкими движениями по всей поверхности подставленной мне плоти. Вскоре, однако, массаж перешёл в ласки, и когда она им поддалась, зарыв лицо в лежавшее на песке полотенце, мои пальцы скользнули сначала под полоску верхней части купальника, а потом нежно добрались до гладких литых ягодиц под туго натянутым чёрным нейлоном. Она не пыталась сопротивляться. Она отрезала себя от окружающего мира, от страха быть увиденной случайными прохожими. Она сделала это очень простым способом — закрыла глаза.

Неподалёку были скалы, в которых можно было скрыться из поля зрения людей на пляже и на прогулочной дорожке. Я тогда даже не знал имени девушки, и не был уверен, стоит ли предложить ей скрыться от людских глаз. В конце концов, даже не смотря на то, что мои руки так смело ласкали её тело, здесь она была в полной безопасности: никакого страха и напряжения. Я ничего не мог сделать на открытой части пляжа. А потом, даже если бы она согласилась, те ощущения, та раскрепощённость, которых я от неё уже добился, могли бы полностью улетучиться, пока мы шли бы к уединённому месту. У неё была бы сотня возможностей передумать. В тот момент, если бы не риск быть увиденными, я думаю, я смог бы стянуть с неё купальник, но я не знал, смог бы я, пройдя сотню ярдов под палящим солнцем, всё ещё быть смелым с совершенно незнакомой девушкой. Эта мысль заставила меня сбавить обороты. Мне не хотелось потерять то, чего я уже добился, из-за чересчур поспешной попытки её соблазнить. Но мои сомнения быстро развеялись. Я чувствовал её самозабвение. Я видел, что она совершенно забыла о людях, прогуливавшихся наверху. Я наклонился к ней и прошептал, что мы можем найти уединённое местечко, если пройдем подальше.

Она не сразу ответила. Она лежала с закрытыми глазами, настолько расслабившись, что, казалось, она потеряла сознание. Я почувствовал тогда, что она готова пойти куда угодно, но ещё не до конца преодолела все свои сомнения. Чем дольше она будет анализировать, тем больше будет остывать. Ясно, как белый день. И в такой момент всегда трудно сообразить, что делать.

Я был незнакомцем. В обычной ситуации человек выстраивает стереотип незнакомца, в соответствии с которым незнакомец производит на него то или иное впечатление. Под стереотипом не подразумевается опыт, стереотип как раз от него защищает. Чтобы два человека могли сойтись, им необходимо разрушить стереотипы, под давлением которых они познают друг друга. Именно это Кэти и сделала, приняв ласки незнакомца. Она никак не могла знать, во что она себя вовлекает (а может, её притягивала неизвестность). Кэти... Так звали девушку на пляже. Она отбросила всю систему мер и весов, подаренную ей традиционным воспитанием. Она сделала это для пробы — она лежала спиной ко мне, и в любой момент могла повернуться с выражением оскорбления на лице — но пробного движения вполне достаточно. Достаточно только делать вид, что традиционные представления о морали весьма условны, чтобы постепенно самому поверить в это и в то, что самые острые ощущения в обычных ситуациях подавляются незыблемым авторитетом хорошей репутации.

Я был незнакомцем и боялся действовать слишком поспешно. Я уже сказал, что в таких ситуациях трудно сообразить, что делать. Если ты действуешь слишком активно, женские «подозрения» подтверждаются. Она знает, чего ты хочешь, но, в то же время, способна, используя своеобразный вид оправдания, и несмотря на то, что всё время знала, чего ты хочешь, и знала, что в подтверждении нет смысла, — быть шокированной твоим предложением.

— Пройтись можно. Надо размять ноги, — сказала она, не глядя на меня. Она встала и добавила: — Ведь это недалеко?

Возможно, она тоже боялась, что по дороге её желание пройдёт.

— Сотня ярдов, — сказал я, показывая на то место и пытаюсь казаться более непринуждённым, чем я был на самом деле. — Там, у скал.

Не проронив больше ни слова, она поднялась, взяла полотенце и маленькую сумку, в которой носила косметику, книгу Дафны Дюмурье и другие вещи, которые женщины обычно берут с собой на пляж, и пошла со мной по направлению к скалам.

Мы шли отдельно, не разговаривая. Когда мы прошли несколько ярдов, я взял у неё сумку. Она позволила это сделать, и каким-то образом её действия, молчаливое согласие и улыбка имели эффект слов.

Скалы стояли у дальнего конца прогулочной дорожки, за последней гостиницей, и они поднимались достаточно круто, чтобы закрыть побережье от глаз случайных прохожих. Скалы имели форму подковы, внутри которой маленькие каменистые холмы поднимались над песчаным берегом, образуя крошечные, запол-

ненные водой пещеры. Мы обогнули ближайший к нам край скал, спускавшийся почти до моря, и как только мы сделали это, мы почувствовали, что находимся в своеобразном амфитеатре. Оказавшись внутри, мы пошли вдоль подножия скал к освещенному солнцем островку сухого песка, над которым нависал утёс.

Я скинул пиджак, она расстелила полотенце, и мы сели. Необъяснимая словами близость, существовавшая между нами несколько минут назад, испарилась. Мы снова были чужими. Она казалась особенно подозрительной и отстранённой. Мы выкурили по две сигареты каждый, прежде чем она, наконец, легла, и закрыла глаза. На этот раз она лежала на спине, диск ее живота сиял от намазанного на него крема, её ноги раздвинуты и сужаются вниз от блестящих, как шлем, плавок купальника. Сверкающие песчинки прилипли к коже. Поблизости никого нет.

Кэти... Но она была в прошлом, глубоко и окончательно в нём похоронена. Теперь была Элла.

Но когда Элла вошла на палубу ближе к вечеру, она даже не взглянула в мою сторону. Она подошла туда, где сидел Лесли, и сказала что-то, чего я не расслышал, а потом она вернулась, и я попробовал поймать её взгляд, но она не посмотрела мне в глаза и пошла вниз.

Её поведение меня задело, ведь я за ней наблюдал, и всего несколько секунд назад, пока она говорила с Лесли, ветер, дувший по направлению к корме, приподнял её юбку, и я мог представить себе, как это выглядело с того места, где сидел её сын. Я подумал, что её юбка должна была поползти вверх по левой ноге, мускулы на которой были бы отчётливо видны сквозь шерстяную ткань. Трудно было не думать о её теле, не прикасаться к нему в воображении, а ведь оно было рядом, по ту сторону деревянной перегородки уже целых два месяца.

Одновременно я испытывал приятное чувство отстранённости и изоляции, потому что она меня проигнорировала. В конце концов, это означало, что она осознавала моё присутствие, и это наполняло меня мощным зарядом энергии, подтверждением собственного существования. Источать силу без всяких усилий, быть сильным на расстоянии. Быть молчаливым и нетленным, как бог, быть богом, а ведь боги действительно существуют.

Вдали показалась церковь Лэарса, чёрный купол на фоне пятнисто-красного неба, шляпа ведьмы в кровавом тумане. Она казалась очень далёкой и заколдованной.

Лесли сказал, мы будем на месте до семи. Он знал хорошее местечко, где можно бросить якорь, недалеко от кабака, о котором он мне говорил, так что нам предстояло поужинать и отправиться туда часов в восемь. Лесли было интересно, напишут ли вечерние

газеты о найденном нами трупe. Он надеялся, что напишут. В любом случае, газету он прочитает в кабаке. У него было хорошее настроение.

Ребёнок ушёл с носовой части баржи и спустился к матери. Лесли сменил меня у руля, и я сел покурить. Я думал о том, что мне не хотелось идти в кабак, но я не знал, как мне этого избежать. Я не хотел ни играть в дартс, ни что-либо пить, ведь Элла ничего пить не будет и сможет использовать это как повод мне отказать. Я решил вернуться раньше, чем Лесли.

Подумать только, я никогда не оставался наедине с Эллой более чем на пять минут, и мы почти не разговаривали. Она питала ко мне отвращение с первых минут, может, потому что я был мужчина, а о мужчинах она судила по Лесли. И, конечно, за первые несколько недель мы с Лесли стали друзьями. Я полагаю, он видел во мне союзника против неё. Но теперь, после опасной близости в каюте, она, должно быть, поняла, что я к ней равнодушен. Теперь мне не терпелось остаться с ней наедине и узнать её отношение ко мне.

До Лэарса мы добрались, когда часы Лесли показывали без пяти семь. Мы поставили баржу в маленьком ответвлении канала, и, прежде чем спуститься вниз, Лесли показал на дорогу, по которой нам предстояло пойти в паб. «Он как раз за церковью, — сказал Лесли, — уютнейшее местечко».

Вблизи церковь выглядела такой же обыкновенной, без всякого намёка на волшебство, как и большинство церквей в Шотландии. Позже, вечером, когда мы обходили церковный двор, чтобы попасть в паб, я заметил всё те же уродливые красные и белые плакаты, предупреждающие о вреде алкоголя и суровости судного дня.

— Пойдём, поедим, — сказал я. Лесли пошёл за мной.

Чай был уже на столе, по крайней мере, мой и Лесли, потому что Элла уже выпила чай с ребёнком. Лесли прихрюкнул. Тогда он ничего не подозревал.

К чаю были сосиски, а напоследок хлеб с маслом и джемом, поэтому, коль скоро наши сосиски были уже на столе, ей ничего не оставалось, как подать чай. После этого она села возле печи ко мне спиной и продолжила своё шитьё.

Намазывая сосиски горчицей, я осознал, что теперь находился далеко от штурвала и свежего воздуха — штурвал в руках создавал ощущение, что я контролирую ситуацию — естественно, я потерял то чувство сдержанного возбуждения, которое так радовало меня днём. Здесь, внизу, всё было не так просто: передо мной стояла их двуспальная кровать; Элла повернулась ко мне спиной, а Лесли был так уверен в себе, думая только об игре в дартс. Лесли,

должно быть, казалось, что она ни о чём не думала. Как будто она просто штопала его носки (так же просто, как она кричала на него или ругала ребёнка) и думала, как же он умудрился проделать в носках такие огромные дыры. Но я знал, что она не могла быть такой спокойной, как казалось. Она должна была знать, что за обедом позволила мне зайти слишком далеко, чтобы теперь я об этом забыл. Я подозревал, что именно поэтому она решила выпить свой чай раньше. Возможно, днём она всё обдумала и решила, что ни к чему хорошему это не приведёт, а, может, что я слишком много хочу, ведь я уже давно заметил, что Элла сноб и хочет когда-нибудь бросить работу на канале и переехать в «милый маленький домик», как это называл Лесли, в одном из тихих пригородов Эдинбурга. Чтобы она ни думала, хорошо, что я шёл в паб, потому что пара стаканов виски, должны были придать мне необходимый заряд смелости.

Лесли разделался с едой раньше меня, потому что ему не терпелось пойти в кабаk. Лесли, вообще, ел быстрее всех, кого я когда-либо знал. Он ел быстро и шумно, поднося куски еды ко рту то на ноже, то на вилке. Выбор столового прибора зависел от того, какой из них был ближе ко рту. Сейчас он, наклонившись, дул на свой чай.

Я посмотрел на спину Эллы. Это была широкая спина женщины, которая с возрастом начинала полнеть. Дряблости в её теле не было, оно всё ещё было крепким, и всё-таки она начинала полнеть, так что мужчина мог почувствовать под собой сильное вождение, смуглую упругую мускулистую плоть и оказаться в железных тисках её бешеной энергетики.

Я намеревался вернуться к ней как можно скорее. Я был уверен, что под её слабыми попытками подавить свои желания скрывался такой же голод, который испытывал я. Как будто наше обоюдное вождение сходилось в одной точке. Секс всегда вызывал во мне такие чувства. Каждый раз сходясь с женщиной, я чувствую, что сама судьба предопределила слияние наших тел именно так, именно в это время, в поле или в постели, неважно где. И я не думаю, что это что-нибудь значит, кроме того, что я всегда в ожидании, всегда готов попасть в эти сети. В сексе я как пруттик для отыскания воды, осторожно нащупывающий очередную встречу. Я жду знака. Я чувствую необходимость идти к цели с той самой минуты, когда во мне возникает желание: тень на шее, очертание ног и бёдер, соприкосновение губ и так до момента близости с женщиной. Мне не нравилось, что Элла пока оказывала мне сопротивление. Это было похоже на предательство. Она уже согласилась. Пути назад не было. Всё началось с того, как она потянулась вверх, чтобы повесить бельё на верёвку, когда её юбка поднялась

настолько, что ещё несколько сантиметров и стали бы видны ягодицы. А риск, которому мы подвергались, придавал особую остроту ощущениям. Я был уверен, что она догадывалась о моих мыслях.

Лесли уже надел кепку и ждал меня. Я прошёл в маленькую каюту, чтобы взять свою кепку. Когда я вернулся, она уговаривала его не напиваться. Она стояла ко мне спиной, и я подмигнул Лесли через её плечо. Потом я прошёл мимо неё, коснувшись её ягодиц рукой и поднялся на палубу через люк. Я чувствовал, как она задрожала. Но она не проронила ни слова.

«Увидимся», — сказал я, не оглядываясь. Я слышал с палубы смех Лесли, пока поднимался наверх.

Глава 4

Когда мы входили, звякнул маленький колокольчик над дверью.

Это был уютный паб с камином и свисавшими со стропил блестящими медными корабельными колокольчиками. Старик в котелке, перегнувшись через барную стойку, нашептывал что-то бармену с прилизанными волосами, которые были зачёсаны на его розовый лоб таким образом, что напоминали гребень.

Кроме нас единственным посетителем был молодой человек в кепке, который так близко придвинулся к огню, что, казалось, он хочет отгородить его от всего окружающего мира.

Бармен кивнул нам. У него были жёлтые грязные зубы и розово-голубые выпученные глаза. Человек в котелке оглянулся, быстро кивнул, сказал «Здрасьте» и, вновь перейдя на свой заговорщический шёпот, попытался отвлечь бармена от нас. Мы вежливо ждали у стойки в нескольких ярдах от старика.

Вскоре бармен подошёл к нам спиной, как чёртик на ниточке, постоянно кивая в ответ все громче говорившему старику в котелке.

— Простите, мистер Кейт, — вдруг сказал он и повернулся к нам лицом. — Что вы желаете, джентельмены?

Мы заказали два виски и пиво. Когда мы получили наш заказ, бармен спросил, откуда мы приехали, и Лесли ответил, что мы везём антрацит из Глазго в Лейф. Бармен вспомнил Лесли и спросил у него о другом владельце баржи, который иногда сюда заглядывал — как его звали? — невысокий болезненного вида человек с заячьей губой, с ним всегда была красивая женщина лет двадцати пяти, похожая на цыганку. Но его уже давно не было видно. Наверное, он умер или бросил работу на канале.

— Да, — сказал Лесли. — Вполне возможно.

В любом случае он не знал никого, кто подходил бы под это описание, а поскольку Лесли знал всех владельцев барж, то они пришли к выводу, что тот человек не занимался перевозками постоянно.

Бармен по секрету сказал, что был бы совсем не прочь заняться той девушкой. Она бы любому понравилась, хотя сам бармен бы не решился, ведь у него жена и двое славных ребятишек.

Я терял терпение. Мне не нравился этот бар. Мне не нравились глаза бармена, которые, казалось, плавали в алкоголе, и мне было трудно притворяться, будто я не замечаю, как нам взглядом предлагал свою дружбу старик, всё ближе и ближе придвигавшийся к нам вдоль барной стойки. Я не мог сосредоточиться. Время уходило, драгоценные минуты, которые я мог провести наедине с Эллой, или хотя бы просто на улице, обдумывая способы остаться с ней наедине. Здесь я не мог мыслить ясно. Мешало всё: лица, голоса, жирное пятно на галстуке у бармена, волосы не его розовых руках и его лоснящийся бело-жёлтый воротничок. Я видел, как двигалось его адамово яблоко, когда он говорил.

— Как бизнес? — спросил Лесли.

Я одним глотком опрокинул виски и отодвинул стакан, чтобы бармен наполнил его снова.

Бармен отошёл, выбрал бутылку и начал наполнять мой стакан. Бизнес, сказал он, так себе. Сейчас денег не заработаешь. Разве что в субботу было не так плохо.

— Как и везде, — поддакнул Лесли.

— Налоги, — слышался голос старика в котелке. Причём по его виду было ясно, что он уже лет двадцать никаких налогов не платил.

— Они кого хочешь сведут в могилу, — сказал бармен. — Сейчас и умирать не по карману.

Лесли засмеялся.

— Кстати, о покойниках, — заметил он, — у вас случайно вечерней газеты не найдётся?

— Конечно, найдётся. А что?

Лесли объяснил, что мы с ним этим утром выловили из реки покойницу.

— Она была совсем голая, — добавил он. Бармен присвистнул, а старик в котелке счёл возможным присоединиться к нам.

— Убийство? — спросил он. У него был длинный подбородок и водянистые глаза. Он смотрел на меня в ожидании подтверждения.

— Наверняка, — сказал бармен, — если на ней не было одежды. Молодая?

Лесли сказал, что было трудно понять, но ей было не больше тридцати. Он спросил, что думаю я по этому поводу.

Я сказал:

— Ей было двадцать семь.

— Её зарезали? — спросил человек в котелке, прищурился глазами.

— Ни одной отметины, — ответил Лесли неуверенно, ведь её ягодицы были довольно сильно поцарапаны. — Так у вас есть газета?

Бармен вынул газету из-под барной стойки и дал её Лесли, который начал водить пальцем по колонкам.

— Давайте ещё выпьем, — предложил я. Бармен автоматически наполнил стаканы, я расплатился, ушёл от барной стойки и сел за один из столов. Разговор доносился до меня издали. Я разглядывал виски в стакане, позволяя жидкости омывать стенки сосуда. Как будто я что-то там искал. Конечно, искал. Но мой взгляд был так же беспомощен, как взгляд человека на галёрке, пытающегося разглядеть поющую в хоре девушку. В тот момент я презирал свою бедность не только в материальном, но и в интеллектуальном плане. И тогда я услышал, как Лесли довольно воскликнул:

— Вот она!

— Господи, да где же? — спросил бармен. — Вот!

— Здесь. Внизу третьей колонки. Смотри! И он прочёл:

Тело мёртвой женщины было найдено в реке Клайд сегодня утром. На женщине была только тонкая нижняя юбка. Пока личность погибшей не установлена. Полиция ведёт следствие. Не исключена возможность убийства.

— Ты же говорил, что она была голая!

— Какая разница. Эти нижние юбки совсем прозрачные.

Было нетрудно уйти раньше Лесли. Я сказал ему, что у меня болит голова. Человек в котелке предложил ему сыграть в дартс. Я сказал «спокойной ночи» и ушёл. На свежем воздухе я понял, что перебрал с выпивкой. Не то, чтобы слишком, но достаточно, чтобы моя реакция замедлилась, я осмелел и осознавая это, был не в силах как-то это исправить. Я чувствовал это по своей походке, и был этим обеспокоен.

Я медленно шёл вниз по узкой дороге мимо церкви и остановился почитать плакаты, которые я заметил по дороге в кабак. Было слишком темно, чтобы что-то разглядеть. Я зажёл спичку и поднёс её к доске с плакатами. Спичка обожгла мне пальцы и погасла. Я тихо выругался и отошёл назад. По дороге на баржу я пожелал спокойной ночи полицейскому, который, как мне казалось, за мной наблюдал. Потом я быстро перешёл дорогу и свернул на маленькую улочку, которая вела к каналу. Я уже думал о

том, что я скажу, но, ещё не дойдя до канала, лишь заметив вдалеке очертания баржи, я остановился высморкаться и засмеялся над собой, потому что сильно разнервничался. Я нервничал, я не знал, как я это сделаю, как я наконец-то войду в мир Эллы. Я только об этом и думал с самого утра. Я шёл по гравию и слушал звук собственных шагов.

Я подошёл к большой неуклюжей барже. На неё падала тень. Где-то неподалёку залаяла собака.

Теперь совсем стемнело, и только вода в канале была свидетелем всего происходящего. Она давила на меня, её звук, её запах. Элла шла рядом, я держал её за талию. Даже в этот момент я не понимал, как мне удалось убедить её уйти со мной с баржи.

Была тёмная безлунная ночь. Лицо Эллы было совсем близко и немного светилось. Я пытался вспомнить наш спор и то, как она боялась, что проснётся ребёнок, и потом вдруг резкая перемена, почти триумф в её голосе, когда она согласилась подняться со мной на палубу. Когда мы дошли до рекламного щита, она остановилась. Она сказала, что дальше не пойдёт, но это прозвучало так тихо, как будто она боялась, что это услышит кто-то ещё. Она вовсе не пыталась дать мне отпор. Почувствовав это, я прижал её к щиту. Ночь была прохладной. Мне уже было знакомо это смешение холодного воздуха с тёплым запахом женщины. И запах тем теплее, чем холоднее воздух. Я вдруг осознал, что её одежда вовсе не часть её. Звучит это довольно банально, но под влиянием момента это кажется невероятным открытием. Ткань сминалась в моих руках, и я чувствовал под ней сильные мускулы её ног. Мне пришлось взять её за подбородок, чтобы поднять её лицо к моему. И тут моя рука скользнула под её пальто и коснулась её бедра. Шерстяное платье, то самое, под моими пальцами казалось ещё теплее. Под платьем на ней ничего не было. Платье легко потянулось вверх по моему запястью, когда я провёл рукой по её коже. Я поцеловал её, и некоторое время мы стояли, слегка покачиваясь, как будто от дуновения лёгкого ночного пахнущего каналом ветра.

Она опустилась на траву. Я последовал за ней. И потом моя рука ласкала её упругий живот, дразня её плоть, двигаясь к пупку, где её сжимал пояс от платья, оставляя на животе изгиб, похожий на большую белую луну чувственности. Тяжело дыша, она раздвинула свои полные ноги, чтобы усилить контакт. Она закрыла глаза. Её платье, задранное выше бёдер, открывало вызывающую позу: голый живот, слегка приподнятые колени, вся её животная сущность, как будто загнанный в ловушку странный ночной зверь. Я опустился вниз, к её животу. Её ноги теперь касались моего лица. Я видел блеск воды в канале и больше ничего, потому

что в домах на другом берегу уже погасили свет. Вдалеке лаяла собака.

Наверное, к реальности меня вернул собачий лай. Мне кажется, я никогда не видел ничего прекрасней Эллы в её отрешённой позе. Больше не было глупого упрямства. Её прежде бесполезное существование наполнилось смыслом. Я слышал, как она хрипло сказала: «Теперь, Джо», — и мгновением позже мы были вместе, слились как две струи расплавленного свинца, и роса на траве была на ней и на моих руках, прижимавших её ко мне.

Потом она встала с травы, как животное стряхивая с себя остатки наваждения, а я зажёл сигарету и закурил, оперевшись спиной на рекламный щит. Только тогда я заметил звёзды на небе.

Я смотрел, как она приводит себя в порядок. Она делала это торопливо или скорее создавала видимость торопливости, потому что движения её были медлительны, как будто ей нужно было время, чтобы её лицо приняло спокойное выражение до того, как она на меня посмотрит. Я наблюдал, как она застёгивает пальто.

— Полиция расследует дело этой мёртвой женщины.

Она посмотрела на меня.

— Почему ты вдруг об этом подумал?

— Хотелось как-то начать разговор.

— Для одной ночи ты и так много наговорил, — сказала она.

Я не видел выражения её лица.

— Ты жалеешь об этом?

— Как бы мне это боком не вышло!

— Нам пора возвращаться, — сказал я. — Я обещал Лесли, что к его приходу ты приготовишь ему чашку чая.

— Ну, конечно!

Она наклонилась вниз, чтобы отряхнуть свои голые ноги. Когда она выпрямилась, я прижал её к себе и поцеловал. Какое-то время мы пытались рассмотреть глаза друг друга в темноте, а потом она освободилась из моих рук.

— Нам надо обратно на баржу, — сказала она.

Она заставила меня идти на некотором расстоянии от неё. Бечевник был слишком узок, чтобы по нему могли идти сразу два человека, поэтому она пошла впереди, а я за ней.

Пока мы шли, я гадал, какие мысли приходят ей в голову: жалеет ли она теперь о том, что между нами произошло или же хочет продолжить отношения. Я знал, что Лесли в этом смысле ничем не мог ей помочь. Она сказала мне, что ей тридцать три. Возможно, она слукавила на пару лет. Интересно, был ли я её первым любовником. Скорее всего, да. Жизнь на барже с постоянным передвижением с места на место вряд ли способствовала завязыванию каких-либо знакомств. В любом случае, она была не из тех

женщин, которые ищут приключений. Она была снобом. А ещё она презирала мужчин, по крайней мере, до сих пор или притворялась, что презирает, так глупо и явно. Эти саркастические нотки в голосе. Но до сих пор я не думал, что всё это обман, потому что, даже если она сознательно создала привычку презирать мужчин, всё сводилось к одному. Она действительно должна была начать их презирать. Но теперь я не был в этом уверен.

Мы взошли на баржу, спустились в каюту и включили свет. Ребёнок всё ещё спал. Керосиновая лампа чадила, плавя стеклянный абажур, и Элла наклонилась над столом, чтобы потушить её. В свете лампы я снова увидел, как полны были её губы. Мне нравился этот тип женщины: зрелая, с крепким телом и полной смуглой плотью. Её коротко постриженные волосы были совсем прямые. Несмотря на то, что раньше я её не замечал, я вдруг понял, что она была из тех женщин, которые не могли не волновать мужчин. Её тело было юным, стройным и одновременно в области живота, бёдер и груди оно, казалось, было готово прорвать тонкую застиранную ткань шерстяного платья. Когда она поворачивалась, казалось, что ткань разойдётся на её талии.

— Жаль, что он возвращается, — сказал я. Она, наконец, разобралась с лампой. — Что?

— Жаль, что он возвращается.

Я кивком показал на двуспальную кровать. Было что-то соблазнительное в массивной деревянной кровати с поблекшей позолотой, почти бесцветной в мягком жёлтом свечении керосиновой лампы. Через перегородку я слышал, как эта кровать скрипела под их телами, а однажды посреди ночи я слышал страшный звук от удара тяжёлого кожаного ремня, ругань, приглушённый разговор. Но все эти звуки были всегда слишком неритмичны, чтобы можно было подумать, что их производит занимающаяся любовью пара.

— Пойдём туда, — сказал я, — на кровать.

Она улыбнулась мне в первый раз с тех пор, как мы занимались любовью.

— Ты мне нравишься, Джо, — сказала она, сжав моё запястье. А потом она отвернулась и зажгла газ под чайником. Я сел за стол и взял утреннюю газету.

— Ты принёс с собой газету, Джо?

— Нет, она у Лесли.

— Что в ней было об этой женщине?

— Немного. Только то, что полиция ведёт расследование.

Она пожалала плечами и ничего не сказала. Оттуда, где я сидел, был отчётливо виден её профиль. Лицо слегка наклонено вниз, немного грустный взгляд устремлён на чайник. Создавалось ощу-

щение, будто она пыталась заставить его закипеть силой своего желания. Позади на панели перегородки легла её тень. Я смотрел на неё какое-то время, а потом вернулся к газете. Ребёнок всё ещё спал в маленькой кровати напротив двуспального ложа. Когда я вновь поднял глаза, кот тёрся о её щиколотки.

— Ты голоден? — спросила она, стоя ко мне спиной. — Я могла бы поджарить тебе яичницу.

Это было похоже на раскаяние.

— Не сейчас, Элла. Только чашку чая. Вскоре мы услышали, как Лесли идёт по бечевнику, а потом его ботинки затопали по палубе.

— Это он, — сказала она, не оглядываясь, когда Лесли спиной спускался по лестнице в каюту. Иногда он так делал, несмотря на то, что ступеньки были достаточно широки, чтобы сходить по ним обычным способом. Наверное, после моего ухода он сильно напился.

Когда он обернулся, я испугался, что он всё знает о нас с Эллой. Он молча смотрел на нас, переводя взгляд с неё на меня, а потом скинул плащ и повесил его на крючок. Он сел за стол напротив меня и посмотрел на свои руки. В свете лампы были хорошо видны его покрытые шрамами и вѣевшейся пылью пальцы.

— Вы оба чертовски тихо сидите, сказал он.

— Чего не скажешь о тебе, — ответила, не оборачиваясь, Элла.

Я посмотрел на неё. Она как будто снова вдруг стала прежней. Она надевала фартук. Когда я перевёл взгляд на Лесли, его лицо тоже изменилось. У него был обиженный и мрачный вид пьяного мужчины, который боится своей женщины и не может дать ей отпор. Краем глаза он взглянул на меня.

— В чём дело, Лесли? — спросил я.

— Я, чёрт возьми, знаю в чем дело! — резко сказала Элла, всё ещё не оборачиваясь. — Он снова проиграл деньги в дартс. А потом он приходит и пытается выбить их из меня. Просто заткни свой поганый рот, Лесли Голт! Тебе не удастся вывести меня из себя.

— Да я в жизни ни пенни в дартс не проиграл!

— Враньё!

Казалось, он собирался её ударить, но, очевидно, передумал. Вместо этого он с опаской спросил: «А чай ещё не готов?»

— Не всё сразу! Ты что думаешь, молено вернуться домой в любое время ночи, и мы тут же должны исполнить все твои желания?

Лесли сник. Элла всё ещё стояла к нам спиной. Глядя на неё, я понял теперь, что есть две женщины: моя и его. Его женщина была суровой. Я мог понять его немую обиду, даже посочувство-

вать ему. Мою женщину он, вполне возможно, никогда и не знал. Их отношения, какими я их представлял, никак не сочетались в моём воображении с женщиной, которая полчаса назад прижавшись к рекламному щиту, оголила для меня свой живот, а потом опустилась в моих объятиях на траву.

Маленькие медные часы над кроватью пробили десять. Теперь Элла заваривала чай, а Лесли, который очевидно пришёл в себя после страшного унижения, спросил меня, что я думал по поводу паршивой статейки о найденном нами трупе.

Я сказал, что мне это было неинтересно.

— Полиция их всё равно всегда ловит, — сказал Лесли.

Я ничего не ответил.

Элла подала чай. Она снова сняла свой фартук, и я чувствовал под столом её ногу рядом со своей. Я положил руку на её колено под платьем и только слегка поглаживал её пальцами. Её плоть была тёплой и упругой. Она не пыталась остановить меня. Но она и никак не реагировала на мои ласки, не выказывала своих эмоций. Почти полчаса мы просидели вот так, говоря ни о чём, а потом я встал и оставил их наедине в главной каюте. Ещё какое-то время, лёжа на своей кровати, я слышал их голоса, как вдруг свет в их каюте, пробивавшийся сквозь щель в перегородке, в ярде от моих ног, внезапно погас. После этого я уже не слышал, что они говорили, и, в любом случае, меня это уже не интересовало. Они разговаривали как муж с женой, а это не имело никакого отношения к нам с Эллоу и к нашим новым отношениям. Лесли был уже не в счёт. В это время раздался его храп. Вдруг меня осенило, что она может рискнуть прийти ко мне ночью, но я прогнал эти мысли. Она так не сделает. Некоторое время я не мог заснуть. Я всё ещё чувствовал прикосновение её кожи к моей, и я полагал, что она тоже всё ещё чувствовала меня, даже несмотря на то, что лежала в постели с другим мужчиной. В каком-то смысле она вовсе не была с Лесли, она была со мной всё время, пока я засыпал, в прикосновении, в запахе, в следах на моей коже, в моих ноздрях.

Я закрыл глаза. Я слушал плеск воды о баржу.

Глава 5

Когда я проснулся, то услышал прежний ритмичный плеск воды о днище баржи, как будто всю ночь он сохранял связь между состоянием сна и пробуждения. Неизменной оставалась только вода, моя каюта преобразилась под бледным потоком света, который лился в иллюминатор, чётко высвечивая серость одеяла, облезлый лак на окружавших меня деревянных стенах. Часто,

когда я просыпался, мне казалось, что я находился в гробу, и каждый раз, когда это происходило, мгновением позже я осознавал ложность этого ощущения, ведь нельзя визуально осознавать, что со всех четырёх сторон тебя окружают стены гроба. Как только ты видел стены, как только внутрь проникал свет, ты уже не был отрезан от жизни, и завершённость образа гроба разрушалась. А потом я начинал слышать шум воды и ощущать почти незаметное покачивание баржи.

В то утро меня разбудил запах жарившегося бекона и кашель Лесли в главной каюте. Лесли всегда кашлял по утрам. Было такое ощущение, что с кашлем рвутся наружу его внутренности. Громкий дребезжащий кашель начинался где-то глубоко в его груди и заканчивался в горле, как будто вся отравы в его теле собиралась за ночь в лёгких.

Конвульсии длились минут пять, а потом я слышал, как он выбивал о спинку кровати остаток недокуренного табака из трубки. Мгновением позже он снова наполнял трубку и всасывал трепещущее пламя спички в тяжёлый сладкий чёрный табак.

Я съел плитку шоколада, и когда смял обёртку, на меня вдруг нахлынуло воспоминание об Элле, лёгкое, острое как игла возбуждение где-то в области поясницы. Я был рад началу нового дня. Всё изменилось, включая моё отношение к барже и к каналу. За последние несколько недель мне впервые не терпелось встать с кровати.

Вскоре после этого Элла открыла дверь и вошла с моим утренним чаем. Она нам обоим каждое утро приносила чашку чая в постель. Обычно она заходила в мою каюту, ставила чашку на коробку из-под апельсинов, которая служила мне тумбочкой, и выходила. Обычно, если я вдруг смотрел на её лицо, я видел на нём враждебность или, по крайней мере, раздражение. Этим утром всё было по-другому. Я видел, как она приостановилась в дверях с чашкой в руках. Потом, ничего не говоря, она поставила чашку на коробку, но вместо того, чтобы сразу выйти, она упала на колени рядом с кроватью, просунула руку под одеяло и провела ей по моему телу. Я попытался прикоснуться к ней, но она со смехом увернулась от моих рук.

—пей свой чай, — сказала она.

Прежде чем выйти, она подождала, пока я начал пить, а потом я услышал её тяжёлую поступь по деревянному полу главной каюты. Я закрыл глаза. Каждый раз, когда она делала шаг, соприкосновение её ступни с полом посылало минутное колебание вверх по сухожилиям её ноги в многообещающую эластичную массу её бёдер. Я почти мог снова ощутить её запах. Вдруг я почувствовал, как ушло напряжение.

Я стоял на палубе. Я смотрел на берег канала, и там, примерно в сотне ярдов впереди был тот самый рекламный щит и травяное ограждение, где мы лежали. Где-то в двадцати ярдах за щитом был коттедж, которого прошлой ночью мы не заметили. Мы занимались любовью почти в его саду.

— Славный домик, — сказал Лесли.

Я кивнул.

Мы оба посмотрели на него и мне стало интересно, была ли для Лесли эта ситуация так же неестественна, как и для меня. Как будто поскольку нам было нечего сказать друг другу, мы, не сговариваясь, решили притвориться, что нам интересна одна и та же вещь. Ведь коттедж, должно быть, означал для нас разные ассоциации, и я вдруг подумал, что люди часто идут на компромисс друг с другом именно таким образом, выбирая то, что явно может быть, но по существу не является точкой соприкосновения, просто потому, что открытое признание, что никакой точки соприкосновения нет, подразумевало бы избыточность собеседника и, тем самым, ставило бы под вопрос существование самого говорящего. Таким образом, мы вместе смотрели на один и тот же коттедж и я сказал: «Правда, ему бы кровлю обновить». И Лесли, подхватывая эту мысль, возможно, это была неосознаваемая им самим привычка, сказал, что ремонт кровли сейчас недёшев, и так мы и переливали из пустого в порожнее, и никто из нас не желал нарушить этот несложный процесс, по крайней мере до тех пор, пока не найдётся другая точка соприкосновения. Банальным было то, что мы говорили, но не то, как мы это говорили. Мы с Лесли так общались довольно часто, а после прошлой ночи, пропасть между нами выросла неизмеримо, потому что я теперь знал что-то, что близко его касалось, и не мог об этом говорить.

В то утро разговор не клеился. Лесли придумал нам работу. Точно не помню, что это было, но в ход пошли гвозди и молоток. Пока мы что-то прибивали, на палубу вышла Элла. У неё в руках была корзинка, с которой она обычно ходила за покупками. Она посмотрела на нас, а потом, не проронив ни слова, пошла вдоль берега канала, и скрылась из виду на дороге, ведущей к церкви. Лесли был больше меня увлечён работой. Склонившись над доской, я смотрел на то, как, покачивая корзинкой, удаляется Элла. Мне никогда не надоедает смотреть на то, как ходят женщины, особенно, если они ходят, как Элла. Медлительные, тяжёлые и вместе с тем пружинящие движения. Но неискушённому взгляду эту пружинистость не заметить. Она не на поверхности, а в вибрации мышц бёдер и живота. Это похоже на сдерживаемую силу.

— Убери палец, — крикнул Лесли, — а то отрежу.

Он смотрел на меня с усмешкой, и я вдруг осознал, что придерживаю доску, а Лесли стоит передо мной с трёхфутовой пилой в руках. Это меня удивило, потому что я не мог вспомнить ни того, как здесь появилась пила, ни того, как я сменил позицию. Я слегка отодвинул руку.

Двигавшаяся пила начала врезаться в древесину.

— Думаешь, будет дождь?

Я взглянул вверх. Небо затягивали тучи. Было такое ощущение, что одна его часть постепенно поглощает другую, а холодное солнце, теперь закрытое облаками, в ярком ореоле, на фоне тёмной стороны неба было похоже на осколок стекла.

— Похоже, будет, — сказал я.

— Давай спустимся и выпьем чаю, — предложил Лесли. — Всё равно здесь нам особенно нечего делать.

Поверхность канала покрылась зыбью.

Мы пили чай, когда вернулась Элла. Она попала под дождь, сказала, что насквозь промокла. Она встала у меня за спиной и начала переодеваться. Лесли читал утреннюю газету, которую она принесла. Оторвавшись от газеты, он сказал: «О ней ни слова, Джо. В Пейзли одной старушке пробили голову, а о нашей находке — ничего».

Позади себя я слышал движения Эллы, её периодически сдерживаемое дыхание, пока она переодевалась в сухую одежду. А потом я услышал, как ткань скользит вверх по её ногам и бёдрам. Мягкий, слегка покалывающий звук. Я чувствовал запах плоти, на которой только что была вымокшая под дождём одежда. Я с трудом поборол желание обернуться. А потом она сказала:

— Тебе-то что до неё? Может, пора успокоиться? Она ведь уже умерла.

Лесли что-то невнятно проворчал в ответ. А потом он сказал, что та старушка, после того, как её убили, просидела три дня в своём кресле, и, если бы молочник не заметил, что она перестала забирать молоко со своего крыльца, и не заявил бы об этом в полицию, она бы всё ещё сидела в своём пустом доме с пробитой головой.

— Забавно, — заявил Лесли, — вот так иногда не знаешь, что творится у тебя под носом.

Обед прошёл как обычно. Я лишь раз прикоснулся к Элле под столом. Она слегка покраснела и продолжила есть. Ребёнок болтал без передышки, но никто из нас не обращал на него внимания. Когда мы поднялись на палубу, дождь уже кончился, а над полями и каналом порывы ветра разносили уже не дождевые капли, а кристаллики снега, мокрые и прозрачные, которые становились заметными только при очень сильном ветре. В бодря-

щем воздухе витала неопределённость.

Пока я стоял у руля, и мы медленно двигались вдоль канала, эта неопределённость стала сказываться на мне. Мне не терпелось снова быть с Эллой, и я гадал, что она делала, ждала ли меня внизу в таком же волнении и нетерпении, что и я. Я представил себе тепло каюты, дерево, кожу, плиту. Если бы я был с Эллой на барже один, я бы уже был в постели. В каюте мы знали бы, какая сейчас погода, но оставались бы нетронутыми ею. Баржа бы мягко качалась, когда она голая забиралась бы ко мне в постель.

Позже вечером Элла поднялась на палубу развесить мокрые полотенца. Она делала это недалеко от кормы, как раз рядом с тем местом, где стоял я, так что у меня была возможность поговорить с ней, но она меня избегала, притворяясь, что на ветру не может слышать мои слова. А когда она развесила полотенца, она сразу же спустилась вниз. Я чувствовал, что она от меня ускользает. Потом Лесли тоже пошёл вниз. Через десять минут он вернулся ко мне с чашкой чая. Он встал у руля, пока я пил, и я снова стал рассматривать пейзаж. Порывы ледяного ветра как бы размазывали деревья и поля невидимыми кистями.

К вечеру на горизонте показался Клоуз, другой городишко на канале, более индустриальный, чем Лэарс.

Мы сразу же заметили ярмарку. В полях на левом берегу канала были поставлены шатры, а музыка шарманки, казалось, повисла в воздухе. Её мы слышали задолго до того, как разглядели палатки или ярко разукрашенные телеги и грузовики. Джим стоял на носочках в своей излюбленной части баржи, только теперь он был взволнован и отчаянно жестикулировал. Лесли подошёл к нему, они поговорили, после чего Лесли посадил ребёнка себе на плечи, чтобы тот мог получше всё разглядеть. Элла тоже поднялась из каюты и вопросительно выглядывала из люка. Она слышала музыку.

Тогда я понял, что о любви в полях сегодня ночью не могло быть и речи, даже если бы у меня получилось увести с баржи Лесли и самому вернуться раньше него. Элла посмотрела на меня и отвернулась. Я чувствовал, что она считает меня виноватым. С тех пор, как она поднялась на палубу развесить полотенца, чувство того, что она от меня ускользает, только усиливалось, как зубная боль-, и теперь её взгляд и то, как она молча отвернулась, только подтверждали мои сомнения. Я почти окликнул её, но, когда она исчезла в каюте, я был рад, что не сделал этого, потому что мне всё равно было нечего ей сказать. Лесли подошёл ко мне.

— Видел? — спросил он, кивая через плечо. Я кивнул.

Лесли сел рядом со мной, и мы оба смотрели и слушали. Потом, на бечевнике впереди нас мы увидели человека. Он сидел на

траве, наклонившись вперед, ссутулившись так, что его подбородок касался груди. Когда мы поравнялись с ним, он даже не взглянул на нас.

— Бродяга, — промолвил Лесли.

— От него мало что осталось. Лесли посмотрел на меня.

— От этого бродяги, — заметил я. — Посмотри на его ботинки.

На нём не было носок, и его голые голени были похожи на две белые палки или на тонкие длинные шеи, торчащие из разбитых ботинок. Голова бродяги так и осталась запрокинутой назад, даже когда мимо него проплыла наша баржа.

— Он нас не слышит, — сказал Лесли.

— Ему нет до нас дела.

Лесли вытряхнул табак из трубки на палубу.

— Пугало, — сказал он.

— Бедолага.

— Не хочет работать, — парировал Лесли.

— Да здесь и работы-то никакой не осталось, — ответил я ему в тон.

— Разве что пугать ворон.

— Или мокнуть под дождём.

— Ты не поверишь, — сказал Лесли, — как быстро они привыкают спать под открытым небом.

И мы оба оглянулись, но человек не пошевелился. Он согнулся в пояснице, как перочинный нож. Было такое чувство, что больше он уже не разогнётся.

— Возможно, он сидит так уже мёртвый. Лесли скептически хмыкнул.

— Ты никогда не видел мёртвого бродягу, — сказал он. — Они умирают совсем не так.

— Кто их хоронит?

— Они оказываются в общей могиле для бедняков, — радостно сообщил Лесли. — Но они не умирают на улице. Чтобы умереть, они находят себе крышу над головой.

Ярмарочная музыка теперь стала громче, и мы увидели золотистые латунные столбы каруселей, крутящихся вверх и вниз по спирали.

— Слишком далеко не поедем, — сказал Лесли, — пришвартуемся там. И он показал трубкой: — Видишь, прямо за теми деревьями.

— А вдруг он умирал? — Кто?

— Бродяга.

— Скорее был пьян. Сегодня можно пройтись по ярмарке, Джо... Что скажешь?

— Давай, — сказал я, — это должно быть интересно. Лесли снова оглянулся.

— Ничего себе, — воскликнул он. — Господи, да ты только взгляни на это!

Бродяга зашевелился. Со всё ещё согнутой спиной, в измятых тесных штанах, он двигался в противоположную от нас сторону, и при этом был больше похож на мельницу, чем на человека.

Через несколько минут мы пришвартовались. И тут Элла позвала нас выпить чаю. Ребёнка только что причесали. Его волосы были немного влажными и топорщились, как стебли, у него на макушке.

— Ты хоть раз подумал бы о сыне и взял бы его с собой на ярмарку, — сказала Элла.

— А ты пойдёшь? — у меня много работы. Так что мальчика должен взять ты.

Элла ни разу не взглянула на меня с тех пор, как я спустился в каюту, но я этого не замечал, пока она не заговорила, и всё потому, что до этого я был полностью погружён в мысли о бродяге, пытаюсь понять, кого он мне напоминал.

Прямого сходства не было, скорее какая-то связь с кем-то. Что-то едва знакомое. Лишь гораздо позже я смог понять, что это было. Мне был знаком вид бесконтрольно двигающихся конечностей, знакомо чувство потери чего-то настолько важного, что его отсутствие поражает гораздо больше, чем наличие всего остального. Это всерьёз задевает, как будто ты столкнулся лицом к лицу с чем-то нечеловеческим. Таковы мертвецы и калеки, таким был и бродяга. Он шёл в обратном от нас направлении, а между его костлявыми ногами сиял треугольник полуденного света. Его спина согнулась, руки болтались, а голова была похожа на спрятанный под шляпой узел. Глаза его смотрели в никуда, как будто направление теперь не имело значения, как не имели значения канал, время и наша баржа, проплывшая мимо него, пока он сидел на берегу. Значение теперь имело только бессознательное передвижение, в которое он был вовлечён помимо собственной воли. Тогда он очень сильно напомнил мне плывший по воде труп. Ничего, кроме движения конечностей. Эти движения, конечно же, были не такими энергичными, но в сущности никакой разницы не было.

Когда заговорила Элла, я оставил попытки понять, на кого был похож бродяга. Когда я посмотрел на неё, она поднесла чашку к губам, которые осторожно коснулись чая, отталкивая и втягивая его одновременно. Она смотрела прямо перед собой.

— Я останусь на барже, если ты хочешь пойти, — сказал я не принуждённо.

Я знал, что она откажется, но я хотел напомнить ей о своём существовании, если она вдруг о нём забыла, а коснуться её ноги под столом я почему-то не решался. Вдруг совершенно необъяснимым образом между нами выросла стена. Её страсть ко мне явно остыла, и я не мог понять почему.

— У меня нет времени, — сказала она, — лучше иди ты.

— Хорошо, мы пойдём, — с энтузиазмом откликнулся Лесли, и, возможно, понимая, что я этого энтузиазма не разделял, он добавил: — Долго мы там не задержимся. Так, ноги разомнём.

— Ладно, — согласился я. И тут я понял, что так Элла останется на барже одна.

Крутилось кольцо разноцветных фонариков. Какой-то человек говорил в мегафон. Яркие жёлтые палатки с товаром были похожи на открытые смеющиеся рты. Звуки шарманки как бы создавали потолок над выступами из электрических лампочек. Слева возвышались «американские горки». Лесли шёл первым, расталкивая толпу. Он обернулся, ухмыльнулся мне, не глядя на Джима, и снова принялся продираться сквозь толпу.

Потом, в одной из палаток пенни покатило с лотка и упало на квадрат, помеченный «4д». Женщина ловко пустила четыре монеты через покрытый клетчатой тканью стол. Лесли подхватил их.

— Всегда в яблочко, — сказал он.

Надо всем этим простиралась тёмно-синяя ночь. Доска, закреплённая над верхней частью палатки, гласила «Эббот Бразерс». Она была испачкана грязью и краской. Слева на меня навалился какой-то человек. От него пахло бриллиантином и табаком. Лесли проиграл. Его последнее пенни упало на линию, разделяющую квадраты с номерами. Он требовал дать ему выигрыш. Круглое лицо женщины с завитыми светлыми волосами, казалось, плыло ко мне через всю палатку. Мужчина рядом с ней, худенький человечек с тонкими чёрными усами, в рубашке с коротким рукавом и в засаленной мягкой чёрной шляпе смотрел на карусели. Это был её муж.

— Пять пенсов, — показывал на стол Лесли. Шёл дождь. Я заметил это несколькими минутами раньше.

— Извините! Вы же видите, что ваше пенни коснулось линии. Монеты не должны касаться линии!

— Идёт дождь, Лес.

— Проклятые разбойники, — пробормотал Лесли. Теперь он увидел, что все его монеты упали неправильно.

— А у меня ещё есть четыре пенса, — сказал Джим.

Напор слева увеличился. «Извините», — послышалось оттуда.

— Идёт дождь, Лес.

Кто-то создавал волнение сзади в толпе. Я наклонился вперёд, прячась под крышей палатки от холодных плевков дождя. Я думал об Элле. Джим выиграл три пенса. Монеты покатались к нему. Дзынь, дзынь, дзынь... Карусели остановились. Люди, подняв воротники, в спешке разбирали свои палатки.

— Идёт дождь, Лесли. — Что?

— Дождь, — повторил я, делая для Лесли невероятное открытие.

В этот момент волнение из конца толпы приблизилось ко мне и дотронулось до моего плеча. Я обернулся. Мне улыбалось чёрное лицо с белыми зубами, один из которых был золотым. «Извините, вы случайно не с ним?» И он показал через моё плечо.

— Лесли!

Лесли обернулся.

— Боб! Боб Мабуски! Какого чёрта ты здесь делаешь?

Они пожали друг другу руки у Джима над головой.

— Я уволился. Живу теперь здесь, — сказал Мабуски.

Дождь усиливался.

Кто-то сказал: «Это не надолго».

— У меня семь пенсов, — сказал Джим.

— На канале. Мы отчаливаем завтра утром, — говорил Лесли.

Люди под зонтами спешили прочь. Какая-то тройца пробежала мимо под одним плащом.

— Пойдём куда-нибудь, где сухо.

Нас вёл Мабуски. Мы укрылись от дождя под высоким скелетом «американских горок». Лесли представил меня Бобу. Они работали на одну компанию, правда никогда не служили на одном корабле. Они вспоминали какой-то порт на востоке, Мики или Кики. Там грузили уголь, и каждый дом был борделем. Через несколько минут ярмарка опустела. Остались лишь те, кто предпочёл спрятаться от дождя под палатками. Дождь ещё усилился, и на траве быстро появились лужи. Музыка выключили. Мы слушали шум дождя.

— Он скоро кончится, — сказал Лесли. Джим загрустил.

— Ничего, сынок, мы сюда ещё приедем.

— Я не хочу домой, — захныкал он.

— Как твоя жена, Лесли? — спросил Мабуски. Запахи влаги и травы поднимались от земли и обволакивали наши ноги.

— Хорошо, Боб. А как твоя?

— Ждёт ребёнка. — О!

— Мы ищем дом. У нас есть квартира, но с ребёнком в ней будет тесновато.

— Конечно, — сказал Лесли. Он уставился на завесу из дождя. — Так, сейчас мы это обмоем. Пустят ли мальчугана в паб?

Боб покачал головой. В сумерках его волосы выглядели как-то зловеще, а капли дождя медленно стекали с висков по щекам. На минуту это напомнило мне стены под дождём.

— Куда бы нам тогда пойти?

Боб снова покачал головой.

— Я бы пригласил вас к себе, но жена сейчас отдыхает.

— Не хочу идти домой, — сказал Джим.

— Ну и ночка! — вздохнул Лесли.

— Ты можешь сводить его в кино, — сказал Боб. — В городе два кинотеатра.

— Ты пойдёшь в кино?

Джим сказал «да» и снова повторил, что домой идти не хочет. Лесли спросил меня, пойду ли я с ними. Вдруг погасли огни на карусели, и теперь конусообразная конструкция стояла вдалеке тихо, похожая на призрак. Послышался чей-то голос: «Где этот чёртов брезент?» Судя по всему, ярмарку решили закрыть на ночь.

— Скоро пора будет отсюда убираться, — сказал Лесли. — Что скажешь, Джо? Ты с нами?

— В кино?

— Ага.

— Нет, спасибо, — сказал я. Я прикурил сигарету, прикрывая спичку руками. Поднесённые к моим глазам ладони были теми же ладонями, что поднимали тело Эллы, заставляя его, как книгу, открываться мне навстречу. Это создавало странное ощущение. Спичка прогорела, и я опустил руки.

— Чем же ты займёшься? Подозревал ли он? Думаю, что нет.

— Не беспокойся обо мне, — сказал я. — Я провожу вас до города, выпью с тобой и вернусь на баржу. У меня есть интересная книга.

Дождь начал ослабевать и вдруг прекратился, как будто какой-то небесный метеоролог внезапно выключил над нами кран.

— Не знаю, как ты можешь читать эти штуки, — пробормотал Лесли.

— Пойдём, — сказал Боб. — Дождь может снова начаться, так что нам стоит поторопиться.

Мы вышли из своего убежища. Отовсюду капала вода: с веревок, с перекладин, с деревьев. А под ногами хлюпал промокший торф.

— Смотрите под ноги, — говорил Боб. — Это недалеко. Сюда. Идите за мной.

Он говорил совсем как профессиональный гид. Мы шли между двумя рядами палаток. Огни гасли дин за другим. Ярмарка закрывалась на ночь.

— Не повезло им, — сказал Лесли.

— Теперь сюда, — сказал Боб. — Уже совсем недалеко.

Он быстро шёл впереди. Лесли с ребёнком не отставали. Я плёлся позади. Свежий после дождя воздух был похож на тот, что по ночам ветер приносит с моря. Вода тихо капала с шуршащих листьев живой изгороди.

— Рядом с кинотеатром есть паб? — спросил Лесли.

Я не услышал ответа Боба. В конце дороги показались огни: высокий фонарный столб и окна, похожие на квадратные глаза.

— Теперь близко, — проговорил Боб, проведя чёрным пальцем по своей шее цвета мастики. Его серые замшевые туфли стали чёрными под дождём.

Я возвращался по главной улице, на которой почти никого не было. На берегу канала тоже никого не будет. Палуба баржи сейчас скользкая. В первый раз за этот день я почувствовал себя свободным. Ярмарка была для меня настоящим кошмаром, личной драмой: я был против своей воли вовлечён во что-то, что не имело ко мне ни малейшего отношения, вовлечён настолько, что оказался полностью отрезан от себя самого, от собственных планов. И теперь вдруг, как только я остался один, я почувствовал, что надо мною больше не довлеет никакое принуждение, и мир снова ожил для меня. Он больше не был посторонним элементом или объектом наблюдения, он стал средой, в которую я мог погрузиться с головой, чьи составляющие были просто продолжением меня самого. Другими словами, я был частью этого мира, а он — частью меня.

Похолодало. Я застегнул куртку. В голове промелькнули завитые светлые волосы женщины, стоявшей напротив меня в палатке, а потом похожие на птичьи судорожные движения бродяги. Тогда я вспомнил, что бродяга был похож на мёртвую женщину. Чего-то не хватало. И то, что осталось, это только подчёркивало.

Дождь так и не начался снова. Я прошёл мимо общественного писсуара. Я чувствовал враждебность во взглядах околачивавшихся возле него нескольких бродяг. Мне всегда казалось странным, почему они предпочитают стоять именно в таких местах. Группами или поодиночке они курят и убивают время. Один из них засмеялся. Он что-то сказал, но я не расслышал. Мимо на велосипеде проехал полицейский. Забавно — я всегда замечаю полицейских. Шины с плеском рассекали лужи, разбрызгивая грязную воду, а плащ стража порядка раздувался у него за спиной, как шатёр. Скорее всего, он ехал домой.

Потом я вышел на дорогу вдоль живой изгороди. Думаю, это был боярышник. Я слышал, как с него капала вода на траву и папоротник под моими ногами. Из канавы вылез кот, он понёсся

по дороге и нырнул в живую изгородь на противоположной стороне. Кто-то шёл впереди меня в одном со мной направлении. Я понял это потому, что шаги не становились громче. Я гадал, кто это мог быть. Я пошёл медленнее, и вскоре звуки впереди совсем стихли. Значит, он шёл не далеко. Я дошёл до ярмарки. Точно. Вот, куда он направлялся. Некоторые огни всё ещё горели. Я услышал женский смех. Элла, похоже, смеялась. Так же резко и безудержно. Смех трущоб. Ещё дальше я услышал за живой изгородью разговор двух мужчин. К тому времени, как я подошёл к каналу, всё стихло, кроме странного звука, исходившего от воды. Водам суши присущ особый звук, некое излучение, которое в полном смысле не является ни звуком, ни запахом; оно больше похоже на прикосновение; его сущность проникает в поры кожи. На мостках никого не было. Я осторожно по ним прошёл и оказался на барже.

В каюте было темно, и мёртвую тишину нарушало только тиканье часов над кроватью. Она легла спать.

Я водил руками перед собой, как слепой. Я нашёл стул и сел на него. Когда мои глаза привыкли к темноте, я стал различать дыхание Эллы. Она лежала на большой кровати, и я почему-то был уверен, что она не спала. Она должна была знать, что пришёл я. Она должна была слышать, как я спускался по лестнице.

— Элла! — тихо позвал я.

Она не ответила. Смутно циферблат отражал то, что казалось вечностью, заточённой под стеклом, как будто там был тоннель, ведущий в загадочные дали. Я видел очертания тела Эллы под одеялом, угол стола, керосинку, тёмные нагромождения каких-то вещей у меня под руками, под ногами и в другом конце каюты. На лестнице было чуть светлее.

— Элла! — в этот раз сказал я громче.

Я протянул руку и дотронулся до её плеча. Только тогда я понял, что она плакала, не навзрыд, а тихо, в подушку. Я не понимал почему Мои пальцы, которые теперь чувствовали свою собственную неловкость, всё ещё оставались у неё на плече.

И тут она отодвинула руку.

— Уходи Джо! Я не хочу тебя видеть!

— Ты с ума сошла, — сказал я неуверенно. Я ничего не понимал.

— Уходи, Джо!

— Господи!

Когда я это произнёс, я отступил назад, и моя рука задела продолговатый купол керосинки, который наклонился и упал на пол. От удара о палубу стекло разлетелось на мелкие кусочки.

— Смотри, что ты наделал! Она села на кровать.

— Я ни черта не вижу, — сказал я. — Подожди, я зажгу спичку.

Элла соскочила с кровати.

— Дай спички мне, — резко бросила она, — и отойди в сторону, пока я всё не уберу.

Я почувствовал, как она выхватила из моей руки спичечный коробок, и через долю секунды спичка в её пальцах извергла пламя. Внезапная, короткая вспышка, и я её ясно увидел. Её тень легла на деревянную мебель и часы в медной оправе. В этот момент пробило девять, и тихий металлический звон в этой неловкой ситуации прозвучал как никогда отчетливо. Спичка прогорела, и она зажгла другую. Она наклонилась, пытаясь разглядеть, куда упала лампа. В каюте стоял сильный запах керосина.

— Керосин течёт, — сказала она.

— У тебя что, свечки нет?

— Джим все пожёт. Я собиралась их купить. Похоже, она не замечала, что я на неё смотрел.

На ней была очень свободная белая комбинация на тонких тесёмках, так что в свете спички я отчетливо видел её поднимающуюся грудь и твёрдые соски. Комбинация плотно прилегала к её расслабленному животу, и обрывалась у неё над коленями, как наспех подогнанная занавеска. Её полные мясистые ноги твёрдо упирались широкими ступнями в деревянные планки палубы, а её крупные предплечья поворачивались из стороны в сторону, когда она прикрывая руками спичку, направляла её свет вниз. Я заметил, что у неё была родинка сбоку почти под мышкой, под спутанными густыми волосками. Она пахла теплом, потом и постелью.

— Смотри под ноги, — нежно сказал я. — Ты можешь пораниться.

Она нашла лампу.

— Ты не видишь щётку? — спросила она, повернувшись ко мне.

Я преградил ей путь.

— Джо...

— Они вернутся не раньше, чем часа через два, — сказал я. — Они сейчас в кино.

Она собиралась мне возразить, но когда я приблизился к ней, она задержала дыхание. Я сильно прижал её к себе, большими пальцами я гладил влажные волоски у неё под мышками, а оставшимися, как когтями вцепился в мягкую плоть на её плечах. Она не сопротивлялась. Мои руки опустились на её поясницу, притягивая её ко мне, так что полный живот Эллы теперь плотно прижимался к моему телу. Она зарылась лицом мне в плечо.

Потом, когда мы лежали, обнявшись под грубым одеялом, её живот и бёдра были слегка покрыты потом. Мы глубоко вдыхали

и выдыхали, так что наши тела время от времени соприкасались, оставляя ощущение легкого покалывания на коже.

На улице начался дождь. Мы слышали приглушённый звук капель, падавших на воду, гравий и дерево. Он смешивался с нашим дыханием. Это была какая-то звуковая завеса, что-то из вне, к чему мы оба прислушивались, пока с открытыми глазами и мыслями смотрели друг на друга в темноте.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Вернёмся к началу.

Это странное дело или, лучше сказать, это было странное дело. Слава Богу, больше это не повторится.

Я хотел рассказать об Элле, о том, как внезапно она пришла ко мне, как я открыл её для себя, в тот день, когда мы вытащили мёртвую женщину из реки. По этой причине и от нежелания всё усложнять, я ничего не рассказывал о Кэти. По крайней мере, я не объяснил, как она была связана с этой историей. Конечно, всё это время она была её частью, но вы об этом не знали. Кэти была тем трупом.

Я чуть было не сказал моим трупом. Но труп, строго говоря, не принадлежит никому, и хотя у меня были некоторые права на её тело, пока оно ещё оставалось живым, мне хочется думать, что я, даже будучи убийцей, не имею никаких прав на её труп.

Я убил Кэти. Нет смысла это отрицать, поскольку всё равно никто мне не поверит. Полиция, с её тягой к сенсациям, сразу же начала расследовать возможность злого умысла. Так написали в газетах. Значило это только то, что они уже искали убийцу. Что ж, они его нашли, но об этом позже. На поиски их, конечно же, натолкнул тот факт, что на ней не было одежды. Несомненно, в их глазах это означало присутствие мужчины. По крайней мере, одного. Тут я с ними, конечно, согласен. Я бы и сам пришёл к такому выводу. Да и вы бы, наверное, тоже. Но предположение о том, что поскольку у мужчины было сексуальное сношение с женщиной в несколько неподобающей ситуации и поскольку позже тело женщины обнаружили в одной из наших судоходных рек, — так вот предположение о том, что мужчина убил её, на мой взгляд, не имеет под собой никаких оснований.

Газеты, взявшие на себя роль блюстителей общественной морали, раскрутили эту теорию. Общественность жадно её проглотила. Лесли поверил. Боб поверил. Элла поверила. Так что мне оставалось только молчать.

Вернёмся к началу, к тому началу, которое для этой истории выбрал я, хотя я мог бы вернуться на год или даже десять лет назад, чтобы проследить истоки произошедшего. Вернёмся в то утро, когда мы вытащили её из воды. По иронии судьбы именно я, тот кто видел, как Кэти падала в реку, должен был оказаться тем, кто найдёт её тело на следующее утро на расстоянии мили от того места, где она утонула. Тогда мне это показалось нелепым, на-

столько невероятным, что если бы Лесли в этот момент не вышел на палубу, я скорее всего отказался бы принять такой неправдоподобный поворот событий и попытался бы подальше оттолкнуть её багром.

К сожалению, в самый неподходящий момент появился Лесли, и, когда он увидел в воде тело, ему показалось, что выудить его оттуда — наша обязанность. По крайней мере, так он сказал.

Лицо человека в тряпичной кепке появилось на страницах газет между статьями об авиакатастрофе, унесшей сорок семь жизней, и финансовой конференции в Париже. Изображение в газете смотрелось как-то неясно: белое пятно, покрытое массой тёмных точек, как будто лицо пыталось уйти на второй план и слиться с фоном. Заголовок под фотографией гласил:

Убийство на клайде

ОБВИНЕНИЯ ПРЕДЪЯВЛЕНЫ

Дэниел Гун, водопроводчик, проживающий в Глазго, дом 42 на Блэк Стрит, был сегодня задержан и доставлен в Центральный полицейский участок. Он обвиняется в убийстве актрисы Кэтрин Димли, 27 лет, проживавшей в Глазго, дом 2 по Ноубл Гроув. Гун — отец четырёх детей. Тело мисс Димли было найдено двумя барочниками, которые вытащили его из Клайда.

Мне было трудно понять, какие улики они нашли против Гуна. Гун не имел к этому никакого отношения. И я был уверен, что уничтожил все возможные улики.

Когда Кэти оступилась и упала спиной в реку, она даже не успела закричать, а потом один за другим на противоположном берегу погасли огни, и надо всем воцарилась мёртвая тишина. Всплеск всё ещё звучал в моей голове спустя несколько минут, как крик в лесной чаще, а потом я в панике упал на набережную и лежал так, уставившись на быстрые чёрные воды. Они неслись мимо набережной, а в нескольких ярдах на поверхности реки тихо лопнуло несколько пузырей, похожих на пену от стирального порошка. Пузыри уплывали всё дальше и дальше, пока вовсе не скрылись из виду.

Я сразу понял, что она умерла, погибла, и больше ей ничем не помочь, я понял это сразу и сразу почувствовал себя как бы парализованным. Я долгое время не двигался с места, мои глаза после того, как я провёл с ней вместе целый час, совсем привыкли к темноте. Сначала вниз полетел спичечный коробок, потом бутылка, потом кусок бревна, и все эти предметы издавали разные звуки, задевая каменную поверхность набережной и исчезая в речном потоке. Я представил себе, как во Вселенной звёзды сталкиваются и тут же разлетаются друг от друга со скоростью света.

А потом я подумал, что Кэти была где-то здесь, внизу.

Было слишком темно и слишком поздно, чтобы что-то предпринимать. Закричать теперь? Я долго искал её, но кроме проплывавшего мимо мусора на тёмной поверхности воды ничего больше не было, и через некоторое время я понял, что в сущности пытался найти иголку в стоге сена. Она могла быть где угодно, на любой глубине. Господи!

Я помню, как не мог поверить в то, что произошло. Как быстро всё случилось, и ведь ничто не предвещало такого поворота событий. Ничего. Для меня это было так же нелепо, как землетрясение в Англии. Именно поэтому позже мне казалось настоящим мошенничеством поэтапное воспроизведение событий прокурором. В момент её падения нас не раздирали сильные эмоции. Не было никакого крика, даже бьющейся в воде руки. Что касается меня, то я был удивлён, насколько быстро я успокоился. Верил ли я в то, что она проплыла некоторое расстояние под водой и там выбралась на берег? Я был уверен в обратном. Я знал, что она не умела плавать. Она всегда боялась воды. Иногда я дразнил её этим, когда мы катались на лодке. В какой-нибудь летний день, где-нибудь недалеко от западного побережья, мы могли лежать голые на деревянном полу в лодке под сидениями. В такие моменты в ней было больше страсти, чем когда-либо ещё, потому что она не умела плавать, потому что наша эротическая схватка в дрейфующей лодке для неё была делом жизни и смерти. В тонкой скорлупе шлюпки было расплётёрто не только её тело. Это была её жизнь, которой она рисковала, вскрикивая от безумного наслаждения, когда набегавшая волна с плеском обезглавливала себя о планшир нашей лодки и на ягодицах Кэти оставались похожие на ртуть капли. Она говорила, что чувствовала силу моря сквозь деревянное дно лодки своей плотью и слухом, и что отдавалась полностью, лишь когда её мускулы упирались в неровную поверхность деревянного дна лодки. Судно качалось на волнах, и на её бёдра капали холодные водяные брызги.

Постепенно я привык к мысли о том, что она утонула, и помочь ей уже нельзя, а тихий плеск воды о камни даже как-то успокаивал, больше того, завораживал. Несомненно причиной тому была своеобразная связь, которая всегда существовала между нашими совокуплениями и водой. Она достигала наивысшего экстаза от страха воды, и она не раз говорила, возможно, из склонности к театральным эффектам, что именно так она должна умереть: занимаясь любовью в воде. Она была совсем недалеко от истины.

Если бы в тот момент ко мне подошёл полицейский, я бы, наверное, и не подумал убежать. Позже, через несколько минут я понял, что моё положение было опасным, ведь я один знал, что это был несчастный случай. А был ли это несчастный случай? Я

думаю, да. Мне никогда не хотелось её убить. Я просто решил уйти. Она попыталась меня остановить. Я высвободился. Она потеряла равновесие. Потом она споткнулась о какой-то булыжник и оказалась в воде. Всплеск. Всё произошло так быстро.

Может, кто-то скажет, что я во всём виноват, потому что вовремя не среагировал. Должно быть, кому-то покажется, что я хотел её смерти. Я так не думаю. Хотя, конечно, основное чувство в моей голове, когда она упала вниз, было чувством раздражения. Я был раздражён. А потом я почувствовал любопытство, смешанное с лёгкой паникой. Она вдруг умерла, и после того, как моё раздражение испарилось, я почувствовал безумное любопытство, а потом меня накрыла волна страха, почти тошноты, и я лежал и смотрел на поглотившую её воду. Если бы она хоть на секунду показалась на поверхности, я бы, наверное, что-нибудь сделал. Но почему-то с самого начала я знал, что всё это безнадежно, всё кончено, и в тот момент меня, признаться честно, это не очень тронуло, хотя потом я изменил своё отношение, когда до конца осознал, что она умерла. Умерла. Умерла. Умерла. Умерла. Моя мать, а теперь Кэти. Как удар молнии. А потом постепенное развитие темы в моём воображении, и вот уже простой факт встаёт кровавым заревом на горизонте моих мыслей.

Я был в состоянии какого-то тихого шока, неспособный что-либо осознать, загипнотизированный видом воды, лениво текущей мимо покрытых илом камней. Секунда за секундой на воде исчезали пузыри, а потом в неё падали спичечный коробок, бутылка, деревяшка, кусок старой пробки, и только спустя минуты три я ощутил себя в опасности. Это чувство пришло так же внезапно, как и сам несчастный случай, как будто открылась дверь мышеловки, ведущая к полному осознанию ситуации. И тут я оторвал взгляд от поверхности воды и посмотрел на противоположный берег, где в некоторых окнах всё ещё горел свет, подмигивая мне, как будто он со мной в сговоре. Тогда я почувствовал себя очень одиноким, чужаком, изгоем, против которого уже ополчилось общество, а в оправдание у меня было только моё собственное жалкое слово.

Теперь я стоял на коленях и чувствовал под собой холод и твёрдость булыжников. Я поднялся и увидел одежду, которую она так охотно для меня сняла. Вещи лежали рядом с колесом грузового поезда, под которым мы занимались любовью. Железная дорога проходила как раз по набережной. Нам обоим нравилось это место.

Тогда я понял, что для меня было бы лучше, если бы она упала в реку одетой. Сексуальная подоплёка ситуации заставит искать в ней преступный умысел. Мне в голову пришла абсурдная мысль

— найти тело и одеть его. Секундой позже я понял, что это было смешно. Я подобрал вещи Кэти и посмотрел на них. Это была улика. Естественно, я захотел от неё избавиться.

Мне и в голову не пришло пойти в полицию. Я понимал, что они вряд ли поверят моей версии случившегося. Я даже на собеседованиях при найме на работу всегда говорю не то. Мне не нравится, когда люди ожидают от меня, что я буду разделять их взгляды. Я мог представить, как они допрашивали бы меня насчёт Кэти, пытаюсь добиться нужного им ответа. Идею отправиться в полицию я отверг, как только она пришла мне в голову.

Торопиться было некуда. Поблизости никого не было видно. Я решил выкурить сигарету и тщательно всё обдумать.

Сигарета меня взбодрила. Ничего особенного я делать не собирался. Руки мои всё ещё чувствовали тепло её одежды. А может, мне это только казалось? Я решил всё детально обдумать, прежде чем что-либо предпринимать. Я уже почти получал удовольствие от этой ситуации. Она возникла вопреки всякой логике, как Мексика перед Максимилианом; мне предстояло разобраться в этом затруднительном положении и выпутаться из него. Отлично. Это было похоже на партию в шахматы. Я затушил окурок о камень. Едва он выпал у меня из рук, как я тут же, почти рефлекторно начал нащупывать его пальцами. Мне показалось, что это тоже была улика. Тогда я улыбнулся. Хорошо, что я выкурил сигарету. Где-то под составом валялись два других сигаретных окурка, на одном из которых была помада. Я подавил в себе желание сразу же их отыскать. Полегче. У тебя масса времени. О, Кэти! Главное было не совершить ни одного непродуманного поступка, каким бы незначительным он ни казался, и методично разрушить ту нелепую западню, в которой я оказался.

Я оказался в западне нелепо и без какого-либо умысла. Ведь Кэти я встретил на улице совершенно случайно, после того как два месяца не видел её и не писал ей (вообще-то я бросил её или она бросила меня, *quien sabe?*) и наше решение заняться любовью появилось, как это иногда случается, внезапно и импульсивно, когда мы сидели в маленьком кафе за чашкой кофе. Я просто взял её за руку. И мы как будто никогда не расставались. Этот жест вызвал сотню воспоминаний о ночах, когда мы лежали в объятьях друг друга, о переплетённых в порыве страсти телах, о счастливом смехе.

Мы знали друг друга очень давно. Нам не надо было слов. Достаточно было взгляда, лёгкого румянца возбуждения на её щеках, ответного пожатия руки. Она была согласна. Мы вышли из кафе и направились прямо к реке. Теперь она жила не одна.

Владельцем кафе был старый итальянец, сидевший на высоком стуле за прилавком. Он посмотрел на нас без интереса, так же, как потом, когда мы пили кофе, смотрел на обои с выцветшими арлекинами. Он лениво и машинально пожелал нам спокойной ночи, когда мы выходили. Он мог узнать меня, но было маловероятным, что его когда-либо попросят это сделать. Я рассудил, что в случае с владельцем кафе мне нечего бояться. И если только нас не видел кто-то из тех, кто знал нас обоих, он был единственным возможным свидетелем.

Мы встретились в двух кварталах от кафе, пришли туда вместе, а потом, когда мы вышли, мы поспешили к реке по тёмным улицам. Возможно, кто-то нас и увидел. Но когда я выкурил вторую сигарету, я уверился в обратном. Когда мы встретились, было темно. Мы прошли только по одной крупной улице в городе с более чем миллионом жителей. Дерево, спрятанное в лесу...

Никакой связи больше двух месяцев. Для всего мира, для наших общих знакомых, мы расстались. У неё не было возможности кому-нибудь рассказать о нашей встрече. Элемент случайности работал на меня ничуть не хуже, чем против. Не было смысла идти в полицию. Кэти это уже не поможет. У неё не было родственников, а из близких людей только я. Тогда мне её стало жалко. Всё случилось так внезапно, так нелепо, а ведь ещё несколько минут назад она смеялась. Господи! Но о полиции не могло быть и речи. Для меня это оказалось бы фатально.

Что делать с одеждой? («Я сниму её», — сказала она. Сначала я удивился, но потом понял, чего она хотела. Ей доставляло удовольствие чувствовать под собой шпалы и гравий. Помню, что на фоне тёмного дерева её бёдра казались особенно белыми. Глядя вверх, через моё плечо, она должно быть видела смазанное машинным маслом дно вагона. Как объяснить всё это полиции? Или двенадцати добрым и искренним присяжным?)

Теперь я жалел, что она разделась. Если бы она была одета, она бы так не торопилась меня остановить, когда я уходил. Несчастье могло бы не произойти. А теперь одежда всё усложняла.

Правда, не слишком. Если меня ничего не могло с ней связать, тогда её одежда не имела значения. Стало быть не было причин прятать её от полиции. Одежда им всё равно ничего не даст. Следователь напишет, что это «убийство, совершённое неизвестным лицом или группой лиц». Под влиянием импульса я забросил одежду в один из вагонов. Потом я не мог понять, почему так поступил. Я даже решил было забраться туда и вытащить одежду, но сдержался, сказав себе: «Ты впадаешь в панику». Возможно, мне казалось, что так я рискую, несмотря на то, что, на самом деле, одежда не имела значения. Я не полез за ней в вагон. Но

была ещё и сумочка. Я к ней прикасался, значит на ней остались отпечатки пальцев. Элементарно, друг мой. Я быстро вытер гладкую поверхность платком, прежде чем найти большой камень, положить его в сумку и забросить её в воду. Двойная степень защиты. И вдруг я на себя разозлился. В сумочке лежала зажигалка Ронсон, и к ней я тоже прикасался. Два против одного. Но сумку скорее всего никогда не найдут, разве что, когда высохнут все моря...

В порыве аккуратизма я принялся искать окурки. Хорошо, что я это сделал. Я нашёл её пачку Плейере и зажигалку. Это меня порадовало. Зажигалка была моим единственным просчётом, и если бы кто-нибудь нашёл её под вагоном и подобрал, это могло бы решить мою судьбу, в случае, если тело бы опознали, ведь на зажигалке была монограмма. Я осторожно вытер её платком и забросил как можно дальше. Я подождал всплеска, думая о святом Мунго и рыбе. Рыба с открытым ртом. Я не видел смысла выбрасывать сигареты. Всё, что осталось (семь штук), я переложил в свою пачку, и выкинул пустую коробку в реку. Я нашёл два окурка и сделал с ними то же самое. После этого делать было нечего. Прошло около часа с тех пор, как Кэти упала в воду. Если в начале и могла быть какая-то надежда, то теперь уж точно было поздно. Своей нерешительностью не совершил ли я убийство?

Я в последний раз подошёл к краю набережной и посмотрел вниз на воду. По-прежнему никаких следов Кэти. Поверхность воды была гладкой и чёрной. Кое-где на ней светились похожие на чешую отблески от уличных фонарей. Вода была гладкой, как будто её разровняли лопаткой штукатура. Гладкой и непроницаемой. Позади меня стояла вереница железнодорожных вагонов, безмолвных и покинутых, глупых, как коровы в темноте. Их колёса стояли неподвижно, а сцепления были похожи на свободно болтающиеся хвосты. Своей недвижимостью они заслоняли меня от динамики города. Я смутно осознавал, что всё случившееся произошло вне времени, что целостность была нарушена, что всё это не было частью моей истории.

Происходившее было насквозь пропитано нереальностью вымысла или сна. Я скоро проснусь. Мне просто надо уйти, чтобы освободиться от этого наваждения.

И вскоре я осторожно отходил в тень вагонов, шепча: «Земля да не услышит моих шагов...да возбоятся камни...» Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь видел, как я оттуда уходил. Перейдя железнодорожные пути за последним вагоном, я вспомнил, что, в любом случае, я никогда не называл Кэти своей настоящей фамилии. Для неё я был Джо Тэйлор. Имя я всегда говорил своё, потому что на придуманное трудно откликаться. Возможно, в её комнате

осталось несколько снимков, правда немного, я ведь никогда не любил фотографироваться. Всё же парочка фотографий у неё была, и это меня беспокоило. В любом случае, было маловероятно, что они стали бы искать Джо Тэйлора. Наши общие знакомые знали, что мы расстались более двух месяцев назад по обоюдному согласию, без скандала. Правда ли это? Или ложь? Как бы то ни было, с тех пор я никого из них не видел.

На улицу я вышел незамеченным. В тёмных переулках, ведущих к центру города, я встретил лишь одного человека, а потом, совсем по другой дороге я вернулся к реке на баржу. Элла, тогда всё ещё только жена Лесли, не спала, когда я вернулся.

— Это ты, Джо? — окликнула она меня с кровати.

В темноте я слышал, как храпел Лесли.

— Да, — ответил я.

— Самое время вернуться! Что это тебе, ночлежка? Я не ответил.

Когда я лёг на свою кровать, мне стало грустно и страшно. Господи! Почему? Это не должно было случиться. Я совершенно не мог себе представить, что больше никогда не увижу Кэти.

Глава 2

Тогда дело ещё не получило огласку. Из газет было ясно только одно: в убийстве обвинили водопроводчика. Я понимал, что расследование продолжалось, и отсутствие информации в прессе меня угнетало.

Когда я всё трезво оценил, я понял, что у полиции не было причин даже допрашивать меня, а не то что подозревать. Но дни шли, а в газетах по-прежнему ничего не говорилось о преступлении. Меня пугало такое затишье и то, что сам я не мог ничего предпринять, чтобы прояснить ситуацию, не рискуя при этом привлечь к себе внимание и ухудшить собственное положение.

Я хотел действовать. Мной завладел совершенно беспричинный страх того, что я не сделал что-то важное, и таким образом неосознанно спровоцировал неведомую мне цепную реакцию. Мне оставалось только ждать. Затишье не могло длиться вечно. Рано или поздно суд над водопроводчиком должен был состояться. А пока я не мог точно сказать, что в данный момент находился в более (или менее) опасном положении, чем раньше. И эта неспособность отождествить конкретную угрозу с конкретным временем, местом или личностью, делали меня мрачным и замкнутым. Иногда на улице мне казалось, что за мной следят, и тогда я сворачивал на другую дорогу, путал след, заходил в тупик или садился на первый попавшийся автобус. Но, отойдя от паники, я

понимал, что слежка за мной была маловероятна. Если бы меня стали подозревать в причастности к этому делу, тут же вызвали бы на допрос. Они бы не стали ходить вокруг да около.

Оказалось, я не мог думать о судьбе Гуна в отрыве от собственной судьбы. Я бы не стал преувеличивать степень собственного сочувствия к этому бедному идиоту. Я его даже не знал. Как представитель трудолюбивого рабочего класса, он, в каком-то смысле, был моим врагом. Не люблю я тех, кто считает работу высшей добродетелью. А ещё он, в отличие от меня, слепо принимал все ценности того общества, которое собиралось вынести ему приговор. Конечно, я знал, что он невиновен. Но и на мне не было никакой вины. Я не мог уверить всех в его невиновности, не признав виновным себя самого. Тогда сложилась бы обратная ситуация. Курьёз заключался в том, что мы оказались соперниками: приговор одного означал свободу другого. Его арест был не менее нелепым, чем то положение, в котором мог оказаться я по воле глупого общества вечно зацикленного на моральном очищении: «Как? На ней не было трусиков?» Когда я думал о Гуне, он представлялся мне частью большого спрутообразного организма, который, заметив отдельное жилище, называл это жилище плохим. Бедолага Гун влип. Это было ясно из газет. Если его признают виновным, приговор судьи будет предсказуемым. Спрут его задушит. Гун будет знать, что он невиновен, но он, несомненно, будет убеждён, что виноват кто-то другой, например я, хотя он меня и не знал. Мне даже было его жаль, несмотря на то, что он считал меня виновным. От этого ни он, ни даже спрут, не становились плохими, просто им не хватало ума. Мы с Гуном от этого пострадали, и лишь один из нас мог выйти сухим из воды. Полиция могла бы принять мою версию о несчастном случае. Но существовала сильная вероятность обратного. Я не мог рисковать. Моя ответственность в этом деле была лишь удобной выдумкой общества, которая бог знает сколько человек сделала соучастниками собственного убийства.

Вовсе не симпатия к водопроводчику привела меня на Блэк Стрит. Я пошёл туда в призрачной надежде найти то, что прояснит моё собственное положение. Может быть, где-нибудь в этот самый момент какой-то клерк в полицейском участке изучает стопку документов. Потом он пойдёт по коридору какого-нибудь здания и положит папку на чей-нибудь стол. Меня пугала анонимность людей, которые в этот самый момент могли работать против меня, не потому что они что-то против меня имели, а потому что они были частью безличной машины, которая функционировала для того, чтобы наводить порядок, объяснять природу странных вещей, вроде трупов, следить за тем, чтобы в слу-

чае преступления закона, кто-то ответил бы за него, дабы была сохранена моральная основа системы. Эти люди, кем бы они ни были, спали со своими жёнами, по воскресеньям вывозили детей на пикники, при случае говорили друзьям, что расследование продвигается быстро, в таком же тоне, как если бы речь шла о разгадываемом ими кроссворде. Во всём этом было что-то кошмарное — эта машина могла в любой момент сделать меня частью своего сложного механизма.

Я дошёл до конца улицы и повернул обратно. Это была короткая улица с многоквартирными домами в бедном квартале города, тусклая и серая, такая же, как любая из близлежащих. Смотреть было не на что: мужчин мало, шаркающие женщины закутаны в шали. Я поднял голову, услышав пронзительный крик из одного из окон. Какая-то женщина перегнулась через подоконник. Ее плоское недоверчивое лицо и обвисшие груди высывались из окна, как гротескная фигура на носу корабля. Тонкой красной рукой она прижимала к груди полотенце. Рот ее оставался открытым, как будто она старалась таким образом уловить ответ той женщины, которую звала. Та вторая женщина была маленькой и толстой, без шляпы, с голыми розовыми ногами в разбитых туфлях. На руках она держала ребенка, завернутого в серую шаль. Мне стало тоскливо, и я отвернулся. Тележка с углем медленно приближалась ко мне по другой стороне улицы, но ничего особенного ни в тащившей ее лошади, ни в идущем рядом человеке не было. Когда начался дождь, он надел на голову пустой мешок из-под угля, похожий на капюшон монаха. Он шел впереди лошади и немного сбоку, шаркая огромными ботинками по асфальту. Надо мной была белая лента неба, только начинавшего покрываться тучами, из которых тонкими ломаными стрелами низвергался дождь. Я почувствовал, как первая капля упала на мое плечо. Волосы мои не промокли, потому что в тот день я одел одну из тряпичных кепок Лесли, как знак моей незначительности. Полиции не было видно. Улица, которая вырастила убийцу, а при возможности принесла бы его в жертву обществу, не имела никаких отличительных признаков. Дверь дома с цифрой 42 на стене не была отмечена ни черным, ни желтым крестом. Я около десяти минут прятался от дождя во дворе на углу, в дюжине ярдов от дома Гуна. Я курил сигарету, пытаюсь уловить сам не знаю что, и при этом чувствовал себя глупым и обманутым. Ничего нельзя было предпринять. У меня отсутствовал четкий план действий. Мне пришло в голову заглянуть в ближайший бар в призрачной надежде услышать хоть что-то интересное. Но, дойдя до него, я передумал. Какие-то мальчишки возвращались из школы, пиная по улице пустую консервную банку, и я подумал, что если кто-то

из них был ребенком Гуна? Что значило бы для него иметь такого отца? Если бы Гун застрелил полицейского или зарезал прохожего, такую дурную славу его дети могли бы как-то обернуть себе на пользу. Но сексуальное преступление было чем-то позорным. Детям приходилось не просто. Я смутно осознал, что мог бы увидеть здесь его жену. Какая она: толстая, тонкая, костлявая, рыжая, кривоногая? О чем она теперь думала? Будет ли поддерживать его? Между Гуном и Кэти должна была существовать какая-то связь, иначе его бы не арестовали. Интересно, что это было. Мне казалось, что он был её любовником. Меня это поражало. Водопроводчик Гун. Женат, имеет четверо детей. И Кэти, чей отец был мелким служащим на почтамте или что-то в этом роде, яркий представитель самого классово-сознательного из всех британских классов. От его влияния она так до конца и не освободилась. Это было очень любопытно. Если и когда будет суд, всплывут факты о том, как они познакомились, какие-то детали их отношений. Кэти мне о нем не говорила. Это мог быть ребенок Гуна. Было так странно осознавать, что я никогда не узнаю, чей ребенок утонул вместе с ней в реке. Я забыл сказать вам, что Кэти была беременна.

Наконец я ушел из той части города. Дождь резко прекратился. Было еще рано, и я не хотел возвращаться на баржу. Там будет Элла, одна или с ребенком. Лесли, наверняка, все еще гуляет. Скорее всего, он в одном из портовых пабов играет в дартс или домино. В тот момент я не хотел видеть Эллу.

Интересно, было ли совпадением то, что я впервые занялся с Эллой любовью в тот день, когда тело Кэти приплыло ко мне, как маленький кусочек неискреннего раскаяния. Интересно, не подтолкнула ли меня к Элле инстинктивная потребность в женщине в тот самый момент, в тот самый день, когда я внезапно оказался вне закона, выше своих интеллектуальных и сознательных полномочий, причём не на время, а навсегда. Если бы я пошел в полицию, и мне бы сильно повезло, меня осудили бы за непредумышленное убийство. Правда, нравы добрых людей, жителей пресвитерианского Глазго, с их уже подогретым моральным аппетитом, заставили меня передумать. Моя внезапная потребность в Элле, через день после смерти Кэти и после нескольких месяцев, проведенных с ней в состоянии откровенного недолюбливания, а также тот факт, что сила соблазна пришла вместе с потребностью, что в каждой ответной реакции я открывал собственное чувство контроля и ее податливость — вся эта сложная система давала мне почувствовать, что моим сознанием управляют мощные гравитационные силы, что мои собственные решения — лишь тонкие нити в сложно сплетенной матрице.

Я не хотел видеть Эллу, потому что она становилась все более требовательной и все менее осторожной. Она хотела заняться со мной любовью при любой малейшей возможности, и когда я говорил, что это слишком рискованно, она надо мной смеялась. Я думаю, она почти хотела, чтобы Лесли нас застукал.

— Чего ты боишься? — спрашивала она.

Я не мог ей ничего ответить. Однажды мы вчетвером отправились на пикник, Лесли с сыном ушли за водой, чтобы сделать чай. Едва они скрылись из виду, как Элла притянула меня к себе. Я занялся любовью быстро, почти страстно и как только кончил, Лесли с сыном показались вдалеке рядом с водой. Такое случалось часто, и я начал понимать, что Лесли о нас узнает. Это был лишь вопрос времени. Элла тоже это знала. Ее это возбуждало. Ее настроение было заразительным, и я полностью ему поддался, поскольку это помогало мне не думать о другой более серьезной опасности, которую таило в себе молчание газет.

Тело Эллы по-прежнему меня возбуждало. Теперь, когда мы занимались любовью, она отдавалась полностью, почти истерически.

Итак, в ту ночь я вернулся лишь спустя несколько часов после того, как ушёл с Блэк Стрит, а она как обычно ждала меня. Я чувствовал, что странным образом к этому привык. Шли дни, и с ней я проживал обособленную, никем не тронутую жизнь, в которой была своя сила, свой риск, свой эпицентр. Постепенно, до того дня, когда всё это разлетелось на куски, я начал забывать о том, что был с Кэти, когда она упала в реку. И мне больше не казалось, что есть какая-то связь между женщиной, с которой я занимался любовью, и женщиной, которую я багром вытащил из воды. О Гуне я не думал. Он наводил на меня тоску. И вот однажды Лесли о нас узнал.

Элла перестала двигаться. Она закрыла глаза и тяжело дышала. Моё возбуждение шло на спад, чувство близости испарялось. Картина прояснялась. Она была просто женщиной, с которой я только что занимался любовью. Её тело было мягким, скользким, холодным и чужим.

Тяжесть её ноги на моём колене была мне неприятна. У меня слегка болела голова. Часы в медной оправе громко тикали, уравновешивая атмосферу в каюте и расставляя все предметы по их привычным местам. Одеядо было просто донельзя застиранным. Лакированные доски не были хорошо подогнаны, а лак лежал на них неровно и уже успел потрескаться. Последние несколько минут я слышал жужжание мухи, и теперь она села на плечо Эллы и поползла к соску на её правой груди. Элла, казалось, этого не замечала. Её голова склонилась на бок, и волосы на висках

были мокрыми от пота. На губах её застыла лёгкая улыбка, как будто она думала о чём-то забавном. Удовлетворённость на её лице выглядела глупо. Меня раздражало то, что даже будучи погружённой в свои мысли, она оставалась уверенной в себе, лёжа вот так с закрытыми глазами. Её настрой был нелеп и оскорбителен. Она казалась мне смешной с этой самодовольной улыбкой, погружённая в себя. На её белой плоти остались красные пятна в тех местах, которые были придавлены моим телом, а по её соску ползала муха, потиравшая крохотные лапки, как маленький шеф-повар, собирающийся разделать индейку.

— Когда вернётся Лесли? — спросил я. Она открыла глаза и посмотрела на меня. В этот момент муха взлетела и пропала где-то на фоне тёмно-коричневого лака на досках. Она улыбалась.

— Ещё не скоро.

Она протянула руку и снова привлекла меня к себе. Я было попробовал сопротивляться, но она была настроена решительно. Её рот был мягким и слишком влажным. Я стиснул зубы, чтобы не пропустить в рот её язык. Но не прилагая сил, я не мог освободиться, так что я закрыл глаза и позволил ей продолжить целовать мою шею и щёки. Через некоторое время моё отвращение, казалось, покинуло меня и стало со стороны наблюдать за происходящим, пока её пальцы вновь не прикоснулись ко мне. Тогда отвращение исчезло, как огни маяка за горизонтом, и я совсем перестал его ощущать. Сначала я не чувствовал желания, но постепенно моё подчинение перестало быть пассивным, и я снова занялся с ней любовью.

После этого мы оба уснули.

Должно быть, Лесли спустился в каюту, а когда увидел нас, поднялся обратно на палубу. Когда мы проснулись, уже почти стемнело, и мы слышали, как он ходит по палубе взад и вперед. Некоторое время мы, не двигаясь, слушали его шаги. Мы не имели ни малейшего представления о том, как долго он там находился, но он явно ждал, пока мы проснёмся, давая понять своим хождением, что он обо всём знает, и в то же время предоставляя нам возможность подготовиться к встрече с ним. Мы разговаривали шёпотом.

— Ты думаешь, он знает?

— Ещё бы! — сказал я и зажёл сигарету.

— Что будем делать?

— Думаю, это зависит от него.

Некоторое время Элла молчала, а потом её прорвало: «Почему это должно от него зависеть? Что он о себе возомнил? Вышагивает там, как предвестник судного дня».

— Просто так он даёт нам понять, что он здесь.

— Это он во всём виноват, — сухо промолвила она.

Элла ждала, что я что-нибудь скажу или сделаю, и слегка отодвинулась от меня так, чтобы никакие части наших тел не соприкасались под грубым одеялом, которое сейчас казалось ещё более грубым и колючим, чем раньше. Но я видел только мерцавший в темноте кончик своей сигареты, и моё сознание было полностью заполнено им и простиравшимися за ним тенями. Так что для моментальной реакции на сложившуюся ситуацию у меня в голове не оставалось места. В любом случае, я даже не обсуждал это с ней, зная, что если бы Лесли хотел сделать что-то страшное, он бы это уже сделал. А, следовательно, он, возможно, нервничал не меньше, чем мы, представляя себе нашу встречу.

— Ты долго собираешься так лежать?

— Торопиться некуда, — сказал я. — Дай мне докурить сигарету.

— Что тут можно сказать.

— Всё и так довольно очевидно.

Она опять зашевелилась, но ничего не сказала. На мгновение мне показалось, что она хочет перелезть через меня, но она, должно быть, почему-то передумала. Сдвинувшись, она стянула одеяло с моего правого бока на самом краю кровати. Она хотела, чтобы я встал. С неохотой я опустил ноги на пол, чиркнул спичкой и зажёл керосинку, а потом, не глядя на неё, начал одеваться. Лесли, должно быть, заметил свет в каюте, потому что почти сразу хождение по палубе прекратилось, и на секунду я даже подумал, что он спустится по лестнице вниз и быстро натянул брюки, чтобы встретить его в более пристойном виде, но он не пришёл, даже не позвал нас, и тогда Элла сказала: «Он ждёт, что ты поднимешься».

Я не ответил ей. Я был не в настроении обсуждать это, да и вообще говорить. Теперь, когда это случилось, ко мне вернулись мысли о другой опасности. Наверное, я всё это время неосознанно отождествлял эти две угрозы, как будто они были почти неделимы, поскольку свалились на меня одновременно, фатально, причём одно вытекало из другого, шаг за шагом. И теперь, когда одна угроза воплотилась в реальность, можно было ожидать аналогичного развития событий и в другом случае. Возможно, в этот самый момент следователь, занимающийся делом Кэти, впервые увидит связь между погибшей и одним из обнаруживших её тело барочников. А может быть, просто рухнул мир Эллы и Лесли (для которых теперь инцидент был исчерпан), куда я был заточён, чтобы не думать ни о чём другом, как инвалид в больничную палату. Так вот, этот мир после того, как Лесли о нас узнал, перестал существовать. Помню, что тогда у меня пересохло в горле. Я

хотел пить ещё до того, как заснул, так что я взял со стола стакан молока, стоявший там ещё с утра, и сделал большой глоток.

Элла молча смотрела на меня. Теперь она ушла в себя по-другому, теперь я был объектом наблюдения. Мне это было неприятно. Я не знал, о чём она думала, лёжа на боку, приподнявшись на локте и глядя на то, как я одеваюсь. Её глаза скрывала тень, видно было только выступающие губы. Её шея и верхняя часть тела, грузно лежавшие на простыне, приобрели жёлтый оттенок в свете лампы, исходившем от одного яркого языка пламени под вытянутым помутневшим куполом. Этот же свет падал и на шнурки без наконечников, которые я завязывал на своих ботинках. Я оставался в согнутом положении дольше, чем надо. Волосы на моих голых руках выглядели серыми, а кожа грязной, там где на поверхности поднимались вены, как контуры на географической карте. Я вспомнил, что уже неделю не принимал ванну.

Завязав шнурки, я натянул через голову рубашку и, застёгивая пуговицы, посмотрел на Эллу.

— Ты тоже встаёшь?

— Может быть, — сказала она. — Пока подожду, посмотрю, чем всё кончится. Эй, твоя сигарета... Она стол прожигает.

Длинный столбик пепла упал на пол, когда я поднял сигарету, чтобы затушить её о пепельницу. Я снял со спинки стула свой пиджак и одел его.

— Что ж, пойду послушаю, что он скажет, — сказал я скорее потому, что чувствовал — я должен что-то сказать перед подъёмом на палубу, нежели потому, что ей надо было это услышать. Кажется, она засмеялась, когда я повернулся и стал подниматься по лестнице.

Когда я вернулся в каюту спустя минут пятнадцать, дрожащая струйка дыма протянулась от исцарапанного стеклянного абажура лампы до того места на потолке, где копоть сгущалась и парила плоским паукообразным облаком, в то время как сама лампа, красно-жёлто-чёрная гнойная язва, всё меньше и меньше освещала стол и кровать, где, пока меня не было, опершись на локоть, неподвижно лежала полуобнажённая, только до пупка прикрытая одеялом Элла. В каюте уже воцарился полумрак, но её это, казалось, не заботило. Она не удосужилась дотянуться до лампы и выключить её или подрезать фитиль. Вместо этого она наблюдала, как полукруг света постепенно и равномерно удалялся от неё к чадающему оранжевому ядру пламени, которое, когда я спускался по лестнице, мерцало так, будто хотело втянуть в себя весь свет в каюте. Я выключил лампу, и на мгновение комната погрузилась во мрак.

— Подрежь фитиль, — послышался с кровати голос Эллы, а когда я обжёг пальцы, пытаюсь снять горячий абажур, она сказала: — У тебя за спиной тряпка. Возьми её.

Она не заговорила вновь, пока я не отщипнул сторевшую часть фитиля большим и указательным пальцами, затем зажёл лампу и опустил на неё абажур. Теперь лампа светила довольно тускло, потому что стеклянный купол испачкался.

— Могла бы и сама её выключить, — сказал я.

— Отмоется, — отрезала она.

И я знал, что она отмоется. Это было у Эллы в крови — мыть вещи: тарелки, ботинки или стол, скрести кастрюли и сковородки, полировать медь. Последнее она проделывала особой тряпочкой, обдав металл своим горячим дыханием, а потом со скрипом его натирая. При этом её крупное предплечье ходило взад и вперед, как поршень, приводимый в движение энергией её плотного тела и напряжённых бёдер, на которых извечно был завязан бесцветный фартук. Казалось, её вполне устраивало ждать, пока я расскажу о том, что произошло. В свою очередь я, зная, что произошло, и что мы не в силах что-либо изменить, говорить не торопился. Я наполовину выкурил сигарету, прежде чем она решила, что ждет уже слишком долго.

— Где он?

— Он ушёл, — сказал я.

— Господи, куда?

— Одному Богу известно, — сказал я. — Думаю, он остановился на ночь в клубе, а утром поедет к матери в Глазго.

— Он сказал, что уходит от меня?

— Он сказал, что напишет тебе письмо.

— Чёрт!

Её крупное белое тело выбралось из кровати тяжело шлёпнув пятками об пол. Она прошла мимо меня, оставив за собой свой запах, пересекла каюту и подошла к плите, и вдруг увидеть её так близко было страшно. Эта голая плоть, промелькнувшая в нескольких дюймах от меня, спокойно и без эмоций восприняла все сказанные мной слова. И мне стало страшно, потому что та плоть, которую, как мне казалось, я знал, трогал, держал в своих руках, предстала передо мной безымянным существом, аморфной серо-белой и желтеющей по краям, пористой, как пемза, массой, которая быстро пронеслась перед моими глазами, и долей секунды позже исчезла, оставив в моих ноздрях ставший знакомым запах женщины. Я повернул голову и увидел, как Элла подошла к плите, зажгла спичку и поставила чайник на огонь. Новый звук — выброс газового пламени — казалось, всё расставил на свои места, снова сделав из Эллы обыкновенную женщину, склонную к

полноте, не считавшую больше нужным скрывать от меня свою наготу.

— Чёрт! — повторила она. — Так значит, он напишет мне письмо.

— Он так сказал.

— Хочешь чаю? — Теперь она улыбалась.

— Не откажусь.

— Я тоже, — сказала она, а потом добавила. — Кажется, теперь мы просто обречены быть вместе Джо.

Я не знал, что ещё я мог сделать, кроме как весело рассмеяться. Я ржал, как конь. Она потянулась за чайницей.

Глава 3

Потом мы несколько дней оставались в Лейфе. Лесли прислал какого-то парня за своими вещами, а Элла забрала сына, несколько дней гостившего у ее сводной сестры Гвендолин, муж которой работал водителем грузовика в фирме, занимавшейся продажей фруктов и овощей.

Однажды утром я ощутил приступ удушья, когда провел рукой по крашеному борту баржи, которая неуклюже цеплялась к пристани там, где скрипящий двигателем моторный кран ездил туда-сюда, поднимая своим когтем сетки с просмоленными бочками. Человек в лоснящихся саржевых брюках, вытянутых на коленках, выкрикивал команды из-под широких ноздрей, плевался и растирал каждый плевком подошвой подкованного железом ботинка, как будто он пытался стереть его из памяти. Верфь, отравленная и напыщенная со стальными балками в бледном тумане, раскинула свои строения как тросы в даль, глухо звенящую монотонным треском тупоносых дрелей. Чувство удушья не покидало меня все утро.

Оно не проходило от случайных появлений на палубе Эллы, в первый раз с мусорным ведром, во второй с каким-то отжатым бельем и бадьей грязной мыльной воды, которую она опрокинула за борт.

По-видимому, все сводилось вот к чему. Учитывая все обстоятельства, у меня были весомые причины оставаться там, где я был, и ждать, пока что-нибудь не прояснится. Но в то же время, я странным образом чувствовал, что потерял самого себя. Я стал частью того мира, который защищал меня от другого, меня желаемого, в котором я оказался бы, если бы пошел в полицию. Но чем глубже я погружался в маленький мир баржи, тем сильнее чувствовал, что у меня украли меня самого.

Со мной всегда так было, сколько я себя помню. Я не нахожу себе пристанища. Часто мне хочется связать свою жизнь с жизнью других людей, но как только я это делаю, меня снова тянет на волю. Десять лет назад я вышел из ворот университета с маленькой сумкой, где было лишь самое необходимое. Я больше туда не вернулся. С тех пор я работал, когда мне нужны были деньги, потому что мне не хотелось стоять на одном месте, мне надо было вырваться из ситуации, в которой, хотя у меня и было все, что нужно для жизни, я чувствовал себя уничтоженным. Теперь на барже я испытывал знакомое желание порвать с настоящим. Я не мог оторвать глаз от проплывавших мимо кораблей, особенно тех, что, как я знал, поплывут через тропики в южное полушарие.

Днем я заметил, что отношение ко мне Эллы становится все более собственническим. Она несколько раз говорила о будущем, причем мое в нем присутствие не ставилось под сомнение. Она говорила о разводе. Я все это выслушивал молча, не протестуя, машинально поглощая еду или выкуривая одну сигарету за другой и отвечая ей односложно. Когда я вспоминал об ожидавшем суда водопроводчике, моя потребность в безопасном убежище подкатывала, как тошнота, но мой внутренний протест от этого был лишь громче.

А потом вновь раздавался голос Эллы: — Это ведь не займет много времени, правда, Джо?

— Что?

— Развод!

— Я не знаю, Элла. Я ничего о таких вещах не понимаю.

— Выясню в Глазго. Там мы поженились. — Да.

— Все будет хорошо, — убежденно сказала Элла. Я посмотрел на нее, и на мгновение мне стало интересно, откуда в ней взялась эта уверенность. Она казалась совершенно беспочвенной и несерьезной.

Вечером она вышла на берег купить еды. После ее ухода я попытался читать, но не смог. Воздух все еще был удушливым и желтым, принесенным с черных труб верфи. То и дело слышался звон металла о металл, а потом резко началась заклепка. Я был слегка подавлен и раздражен. Мне не хватало Эллы, но как-то своеобразно. С ней было скучно. Когда она была рядом, она сама давала повод для скуки, но когда она уходила, этот повод я находил в самом себе, и этому чувству вторил туман и тросы на верфи. Я вновь и вновь подавлял в себе желание действовать. Я хотел вырваться из окружавшей меня инертности, но я уже начал отождествлять собственную безопасность с бездействием, почти со скукой, которую во мне начала вызывать Элла.

Но долго так продолжаться не могло. Я решил, что уйду, кажется уже в тот вечер, когда убеждал себя не быть дураком, подождать развязки, и тогда я выбросил только что зажженную сигарету и снова спустился вниз.

Когда вернулась Элла, я лежал на кровати. Она была взволнованна и сразу же сказала мне, что установили дату суда над водопроводчиком. Я взял у нее газету и начал читать:

Отец двоих детей предстанет перед судом

45-ЛЕТНИЙ ЖИТЕЛЬ ГЛАЗГО ОБВИНЯЕТСЯ В УБИЙСТВЕ НА РЕКЕ КЛАЙД

Потом шло краткое перечисление обнародованных полицией фактов. Было известно, что Дэниел Гун был близок с убитой женщиной, некоторое время с ней встречался.

Дальше мне не надо было читать. Я помнил, как Кэти очень тихо и убедительно говорила со мной после того, как мы позанимались любовью, говорила, что она беременна, что отцом был я и просила жениться на ней. Вот как случилось, что она бежала за мной, когда я уходил. И конечно, она сказала об этом кому-нибудь, возможно, приятелю на работе, и этому приятелю она сказала, что могло быть и правдой, что отцом был Гун. Я продолжал читать, когда Элла сказала, что вроде бы их было четверо, в смысле детей, и я сказал да, я тоже так думал, но это скорее всего была ошибка. Она начала вынимать содержимое сумки и ставить на стол.

— Отодвинь газету, — сказала она. — Ты мешаешь.

Она запихнула в рот печенье. Я смотрел, как она жуёт. Её крупные зубы смололи печенье в порошок.

Потом её лицо покрылось потом. Она стояла у плиты.

Я всё ещё был наёмным рабочим. Она смеялась, когда платила мне, слегка краснея, как будто сама не знала, за какие именно услуги давала мне деньги.

— Мы неплохо зарабатываем, — говорила она иногда.

Местоимение «мы» для неё служило щитом от собственных подозрений.

Когда мы занимались любовью под стогом сена, я впервые заметил тонкую красную сетку капилляров на её левом бедре.

Мы плыли вдоль канала. Я увидел того бродягу, а может и другого, только в этот раз он наблюдал за нами из-под своей шляпы, когда мы проплывали мимо. Когда всё будет «пристойно»... Она конечно имела в виду замужество. Ей была невыносима непристойность. Она не была во мне уверена. Она говорила о разводе. Лесли написал о нём в почти что извиняющемся тоне. Он надеялся, что у нас всё хорошо. Он устроился ночным сторожем на склад. Спрашивал о Джиме.

Иногда я смотрел на её спину. Её бёдра, казалось, стали ещё шире. Неизменным атрибутом оставался фартук. Большую часть времени она старалась быть привлекательной, красила губы, как бы невзначай клала ногу на ногу, чтобы я мог разглядеть гладкую белую поверхность её бедра. Ночью мы по-прежнему были любовниками. Но днём я чувствовал, как она смотрит на меня, анализируя и взвешивая ситуацию. Однажды она сказала, что с нетерпением ждёт, когда вырастет Джим. Управляться с баржей будет проще втроём. Ей, казалось, не приходило в голову, что я был вовсе не в восторге от того, чтобы жить с её полоумным отпрыском. Мне было трудно принимать её всерьёз. Я чувствовал её недоверие.

Из газет я понял, что Гуна собираются признать виновным. Мы слышали, что только Лесли вызовут в суд в качестве свидетеля. Я начал подумывать о том, не пойти ли мне в зал суда, чтобы посмотреть, как паутиной вины опутывают невинного человека. Элла посмеивалась над моим внезапным интересом к этому делу. Она не думала, что я увлекаюсь такими вещами. И вместе с тем, ей это нравилось. Она помогала мне вырезать статьи из разных газет. Иногда по вечерам при свете керосинки я раскладывал перед собой на столе все вырезки, как предсказатель — карты.

Что, если его признают виновным? Мне не нравилось отождествлять себя с Гуном. Убийства не было. Обвинение было придуманным. И потом, так и не найдя ответа, я положил руку Элле на живот, и когда она повернулась ко мне, и я почувствовал соприкосновение наших бёдер, у меня появился импульс отдать себя и свою свободу во власть женщины, чьи руки сжимали мои ягодицы, и которая прижималась ко мне животом. Мне хотелось тихо рассказать ей обо всём и сдаться на её милость, по мере того, как возрастала острота наших ощущений. Но каждый раз, прежде чем я успевал заговорить, оргазм был позади, и она снова становилась чужой, тяжёлой и опасной. Чувствуя рядом с собой жар её тела, теперь несильный, но всё равно опасный, я долгое время лежал с открытыми глазами. В моей голове не было пусто, но и сказать, что я о чём-то думал, было нельзя.

Примерно в это время Элла получила по почте письмо. Оно было из Лейфа от её сводной сестры и на почте лежало уже не первый день. Муж сестры упал со своего грузовика, и его раздавил автобус. Его уже похоронили. Гвендолин писала, что хотя она первая готова признать, что они с бедным Сэмом не очень-то ладили, его смерть стала шоком, настоящим ударом, в полной мере смягчить который не смогла даже компенсация, выплаченная его компанией. Она спрашивала Эллу, когда та приедет в

Лейф.

Была суббота. Мы пришвартовались в Глазго. Элла послала Гвендолин телеграмму, где сообщала, что мы поездом приедем навестить её. В купе я сидел рядом с Эллой, а ребёнок в голубом матросском костюме и матросской шапке с лентой сидел напротив нас. Мне было неудобно в рубашке с накрахмаленным воротником, которую я надел по настоянию Эллы, а сама она была одета в блестящее чёрное платье, которое было ей тесновато, и в котором она выглядела потной и красной. Мы почти не разговаривали во время поездки.

Гвендолин жила в многоквартирном доме, таком же как любой другой в Лейфе. Серое многоэтажное здание, проградуированное изнутри серой лестницей с железными перилами, ведущей к коричневым дверям с медными табличками на каждом этаже. В подъезде пахло помоями. Её квартира была на самом верхнем, пятом по счёту этаже. Джим поднялся первый и ждал нас на лестничной площадке.

Гвендолин открыла дверь в халате. Он был распахнут так, что были видны её груди, длинные, белые и мясистые, как груши. Она была моложе Эллы. Увидев меня, она перехватила свой халат под горлом и улыбнулась.

— Это твой новый парень, Эл? Элла фыркнула.

— Это Джо, — сказала она. — Мы скоро поженимся.

Это прозвучало, как ультиматум. Она произнесла это таким суровым тоном, как будто боялась, что ей возразят. Гвендолин, должно быть, заметила мою реакцию, потому что засмеялась и сказала: «Рада познакомиться, Джо», — и она отошла от двери, чтобы пропустить нас в квартиру. «Простите, что я не одета, — продолжила она, — но я не ждала гостей мужского пола». Она взъерошила волосы Джима, когда он словно угорь просочился в дом под моей рукой.

Её губы были сильно накрашены, а её кожа была очень белой, даже немного желтоватой. От этого её рот выглядел как пятно крови на фарфоре. Она провела нас в нечто похожее на спальню и прихожую одновременно. Кровать там была не застелена и повсюду валялась одежда. Окно в дальнем конце комнаты было закрыто, огонь в камине погас и воздух был затхлым, душным и неподвижным, жарким и приторным из-за электрического обогревателя. Я понял, что она только что встала с кровати.

— Подождите, пока я приберусь, — сказала она.

Элла окинула комнату неодобрительным взглядом. Такие вещи злили её больше всего.

Гвендолин суетливо распахивала свои вещи подальше от наших глаз. Её длинные каштановые волосы прядями спадали на

щёки. Она много курила. Сигаретные окурки были повсюду, а ногти большого и среднего пальцев её руки были покрыты пятнами от никотина.

Поначалу я не обращал на неё внимания. Я смотрел на Эллу. Она сидела в своем блестящем черном платье в старом кресле, губы её были сжаты и весь её облик излучал ауру респектабельности. Казалось, она поднимается от её стянутого живота к изгибу шеи. Моральное осуждение, отдающее одеколоном. Интересно, как близко я подошел к совершению самоубийства, когда чуть не рассказал ей правду о Кэти. Страшно было подумать, что я почти проговорился. Теперь это казалось абсурдом. Я отвернулся от неё посмотреть на короткую вспышку в элементе электрообогревателя. Ззз.....Придвинувшись поближе, я слушал шипение. Внезапное чувство, как тупой удар молотком, рот Гуна широко открыт в крике, волосы на пунцовой голове шевелятся от шока... Господи, хорошо, что у нас не казнят на электрическом стуле...

Я стоял посреди комнаты.

— Извини, Джо, — сказала Гвендолин, столкнувшись со мной. Она больше не придерживала халат рукой, и когда она нагнулась, чтобы подобрать с пола шелковый чулок, я увидел её свисавшие длинные грушеобразные груди. Электрический свет оставлял на них оранжевый отблеск.

— Я всем вам сделаю чаю, — сказала она, поднявшись.

Элла сказала, что поможет ей, и обе женщины с ребенком прошли в соседнюю комнату. Я взглянул на окурки и грязное белье, спешно запрятанное под подушку, а потом я снова подошел к кровати и провел рукой по простыне, на которой она спала. Она была все еще теплой, и я почувствовал крошки или что-то в этом роде.

Я пожал плечами. Я был рад, что Элла заговорила прежде, чем я успел что-либо сказать, потому что мне ничего не приходило в голову.

— Ей так будет лучше, — сказала Элла.

— Она сейчас соберет вещи и поедет с нами на поезде.

— Только выпью чашку чая, — сказала Гвендолин.

Два дня спустя, прекрасным весенним утром, мы погрузили на баржу известняк. К полудню мы уже плыли по каналу.

Было приятно стоять у штурвала, глядя на ровные зеленые и коричневые поля, простирившиеся по обе стороны до горизонта. В этом месте почти не было деревьев и вид на поля ничто не нарушало. Солнце ярко светило и желто-черная блестящая вода канала вторила ему. Баржа днищем разрезала водную гладь на длинные черные потоки. Штурвал нагрелся на солнце. Все события и предметы казались далекими, и я почти забыл о водопро-

водчике, мертвой женщине, Лесли и даже о двух женщинах в каюте.

Гвендолин к завтраку не встала. Она долго спала — для цвета лица. Она была не из тех, кто стал бы что-то делать на барже, да я от неё этого и не ждал. Я не стремился работать быстро или продуктивно. Я был бы рад заглушить двигатель и дрейфовать вдоль побережья, или встать на якорь на недельку, пока не испортится погода или не кончится еда. Возможно, я слегка лукавил. Обычно, я бы сказал такое без колебаний. Я так жил. Но после ареста водопроводчика я стал сам не свой, по идиотски привязался ко времени, к событиям и процессам, контролировать которые не мог.

На палубу она поднялась около полудня и встала возле меня прежде, чем я успел опомниться. Она накрасилась. Понаблюдав за мной некоторое время, она встала к штурвалу, я сел рядом с ней, пока она правила баржей. Я свернул сигарету. Сначала мы оба молчали. Казалось, она была поглощена своей работой, с которой неплохо справлялась (она вместе с Эллой выросла на барже) и смотрела прямо перед собой. А потом она задала мне вопрос.

— Ты правда женишься на Элле, Джо?

— Она так сказала, — ответил я без энтузиазма.

— А что скажешь ты? — спросила она.

— Ничего.

— Ну, как хочешь, — сказала она, — Это не мое дело.

Я согласился с ней. Она оглянулась и посмотрела назад. На ней были брюки. Она причесала волосы, но на их темно-рыжем фоне лицо казалось очень бледным, а с яркой помадой, вообще, было похоже на белый хлеб с джемом. Она была совсем не такая, как Элла, моложе, стройнее. Она была достаточно умна, чтобы понять, что я не собирался жениться на Элле, но, казалось, её это ничуть не волновало.

Тогда мне в голову пришла мысль, что она выглядит так, как будто только что поднялась с постели. Она всегда будет так выглядеть. Даже в солнечный весенний день лицо её было влажно-бледным. Такое бывает у некоторых женщин. Кажется, что если проведешь ладонью по их коже, она станет влажной. Это тот сорт бледности, который навевает мысли о больничных палатах и фланелевом белье. Я подумал, что, возможно, у неё туберкулез. Вид её вытянутых грудей, казалось, только подтверждал это впечатление. Она совсем белая, за исключением нескольких розовых островков там, где она сидела, где оставил след её пояс. Длинный белый корень с темно-рыжим ломким пучком в центре. И все же было в Гвендолин что-то привлекательное. Не в её чертах лица, плоских и невзрачных, не в выступающем животе, не в детской

тонкости её ног, но во всем её отношении к жизни. Я сомневался, что она когда-либо чувствовала свою правоту.

Я скрутил сигарету и чиркнул спичкой о подошву своего ботинка. Потом бросил спичку за борт и смотрел, как она дрейфует на поверхности воды, и её движения напомнили мне о бутылке, спичечном коробке и куске бревна, которые проплывали подо мной, когда я пытался отыскать тело Кэти.

Гвендолин снова заговорила.

— Разве тебе ещё не надоел канал, Джо?

— Конечно, иногда он надоедает.

— Я так и думала. По тебе видно. Я не стал ей возражать.

— С этим надо родиться, — сказала она В ответ я стряхнул с сигареты пепел.

— Да и в любом случае, — продолжила она, — людям вроде меня такая жизнь совсем не по душе.

— Почему же?

— Да это не жизнь, — сказала она. — Я с первого взгляда поняла, что ты не создан для этого.

Меня не впечатлила её уверенность.

— Ты это прочла по звездам? — насмешливо сказал я.

— Ты невежа, — сухо сказал она, — и это не смешно Мы услышали, как внизу закричал ребенок.

— Сопляк, — сказала Гвендолин. — Ну а если серьезно, Джо, ты не хуже меня понимаешь, что сыт по горло этой баржей.

— Эта работа не хуже любой другой. Она засмеялась.

— Когда ты сбежишь от неё, Джо?

— Сегодня, завтра, послезавтра, — сказал я, — по звездам не читаю.

— Заткнись, — грубо отрезала Гвендолин.

После короткой паузы, мы продолжили разговор. Она говорила мне, что Элла не пьет, а она не понимает непьющих людей, и если бы после этого не было головной боли, она бы напивалась каждый вечер. Она сказала, что любит джин, не джин с лаймом или джин с вермутом или чем-то ещё, просто джин. Он не казался ей горьким. Она предложила нам как-нибудь сходить выпить вместе, а Элле сказать, что мы идем в кино. Хотя, вообще-то делать там нечего. Она предположила, что мне кино также не нравится, как и ей. На досуге она бы скорее предпочла перекинуться в картишки или выпить джина.

Даже будучи одетой в брюки, у штурвала она выглядела нелепо. Брюки были из мягкого зеленого велюра, испачканные жирными пятнами и обвисшие на коленях. Чулок на ней не было. Она сказала мне, что больше всего ненавидит ходить к зубному врачу. Вскоре на палубу поднялась Элла и позвала Гвендолин

обедать. Обычно в дороге мы ели по очереди. Я остался один на палубе. Я слышал, как две женщины внизу говорили и смеялись, а потом раздался грубо свистящий голос ребенка, и вдруг я осознал, что завидую им всем. Их объединяло одно: они были в безопасности, если в их жизнь и проникал какой-то абсурд, с ним можно было смириться; они находились под защитой структуры собственного сознания, того факта, что не были вовлечены в «убийство» и не считались в обыденном представлении «сумасшедшими». Но тот абсурд, который угрожал мне, мог положить конец всем возможностям, и часто, оставаясь наедине с собой, я чувствовал абсолютную уверенность в том, что это произойдет, и тогда я уже буду не в силах ни принять это, ни отвергнуть. В смерти нет ничего незавершенного. Никто не может её принять.

И все же, я был рад остаться в одиночестве у штурвала. Солнце согревало мне руки, и вода впереди уходила вдаль, как древко копья. Навстречу мне плыла баржа, впряжённая в лошадь. Долгое время они оставались вдалеке, человек, лошадь и баржа, как состоявшее из трех частей насекомое, а потом они вдруг разделились и быстро стали расти, пока, наконец, совсем не приблизились и не поравнялись с нами. Тогда человек на барже помахал мне рукой. Мы не заговорили. Когда они проплыли мимо, я оглянулся, и лошадь так же тянула баржу вперед и в сторону, а человек сидел на ней и смотрел прямо перед собой. Я снова стал различать голоса внизу. Ребенок говорил что-то о рисовом пудинге, и Элла повысила голос. По отношению к ней я не испытывал угрызений совести, лишь слабую тревогу. Она снова стала той, кем была раньше — женой Лесли. Рано или поздно — пока я был не в состоянии принять решение — я её брошу. Она пыталась заставить меня насильно давать её то, что я когда-то давал по собственной воле. Я думаю, Гвендолин с самого начала все знала и сочувствовала мне, и это меня в ней привлекало.

Вечером мы встали на якорь в Клоузе. Элла хотела плыть дальше, потому что темнело лишь после семи, но она не настаивала. Гвендолин уже сказала ей, что хотела сходить со мной в кино.

Гвендолин была и молодой и старой одновременно. Она была менее чувствительной, чем Элла, и явно её презирала. И я видел, что она хочет, чтобы я изменил Элле с ней. Трудно было поверить, что ей всего 29. Она выглядела старше, и все же её тело иногда выглядело почти девичьим. Она переделалась в красную юбку и зеленый джемпер, передняя часть которого, украшенная белыми треугольниками свисала плоско, потому что она не поддерживала свои конические груди лифчиком. На ногах у неё были белые лодочки с открытым носом, и когда она клала ногу на ногу, я замороженно смотрел на густо покрашенные лаком пальцы, вы-

глядывавшие из туфель, и на маленькие медного цвета волоски на её ногах. Я гадал, не была ли она проституткой. Я чувствовал, что к мужчинам она была равнодушна, лишь смутно сексуальна.

Полукруг помады ярко отпечатался на ободке чашки.

Мы почти не разговаривали по дороге в паб (гостиничный бар, единственный в городе, куда пускали женщин) и, сидя за столом красная, зеленая, белая и тонкая Гвендолин курила одну сигарету за другой и потягивала джин. Она вытерла губы платком и сказала:

— Закажи нам еще джина, Джо.

За первый заказ я расплатился мелочью, которая была у меня в кармане. Когда я вынул кошелек, чтобы заплатить за новую порцию напитков, из него выпала фотография Кэти. Я моментально замер, пришел в оцепенение. Официантка подобрала фотографию, и не глядя, отдала мне. Я положил её обратно в кошелек. Гвендолин улыбнулась.

— Бывшая подружка? — спросила она.

— Да, — ответил я, — она умерла.

— Но ты все еще носишь ее фотографию?

— Не знаю почему. Давно пора ее выбросить.

— Конечно! Мертвые могут сами о себе позаботиться.

Она вкрутила сигарету в пепельницу.

— Допивай, — сказала она. — Нам ещё надо провернуть одну сделку.

Мы занимались любовью в поле очень холодно и машинально. На «сделку» это было мало похоже, поскольку деньги в этом процессе задействованы не были. Было очень темно, земля почти везде была твердой, но местами, там, где ветер образовал корку на грязи, наши ноги проваливались в мягкое месиво.

Её щеки были совсем холодными. Когда я прикоснулся к её груди, она никак на это не отреагировала. Мерцание её сигареты то усиливалось, то меркло, она казалась полностью отстраненной.

Она прервала меня. Сказала, что не хочет неприятностей. И потом, когда все кончилось, она встала и начала жаловаться, что из-за меня совсем перепачкалась и долго-долго приводила себя в порядок. Все кончилось быстро. Её сигарета все еще тлела в траве. Я наступил на нее. Я гадал, всегда ли она так занималась любовью. Она почти совсем меня не чувствовала.

Мы медленно возвращались на баржу, сбивчиво разговаривая о Лейфе, где оба жили. Она сказала, что Лейф ей нравился, и она подумывала о том, чтобы вернуться туда, когда получит компенсацию за смерть мужа. Трудно было поверить в то, что он умер, как сказала она. Больше всего её в этом убеждало то, что больше

по утрам её не будил топот его ног из кухни в комнату и обратно. Он был таким же крупным мужчиной, как и Лесли. Она засмеялась. Бедняга Сэм. Было нехорошо так о нем говорить, она это знала, но врать тоже было ни к чему. Конечно, его было жалко, все случилось так неожиданно. Пошел однажды утром как все на работу, и вдруг случилось такое. Это заставляет задуматься. Она была в шоке, когда обо всем узнала. К счастью, зацикливаться на этом у неё не было времени. Надо было устроить похороны, причем как можно быстрее, учитывая то, что его переехал автобус, когда он упал с грузовика. Полиция очень помогла, особенно один светловолосый юноша с длинными свисавшими усами, который постоянно готовил ей чай.

Ей никогда не нравились полицейские, но этот был примером того, что некоторые из них тоже были людьми.

Это были скромные похороны, и молодой полицейский после них проводил её домой. Он был таким неловким, что ей стало его жалко, и она позволила ему сделать с ней это на диване. Кровать в тот момент была бы не совсем подходящим местом. Он сильно нервничал, и у него долгое время ничего не получалось. Он сказал, что чувствует себя осквернителем могилы. Похороны совсем погасили его темперамент. Но после её слов «сейчас или никогда», он взял себя в руки и показал свое достоинство. Все это было хорошо, вот только ей все это начало надоедать, когда он стал постоянно к ней заходить, приносить фиалки и ландыши в любой свободный от службы день.

Она дала ему палец, а он отхватил всю руку, судя по ее словам. У меня возникло ощущение, что она ждет моего ответа, поэтому я кивнул и сказал, что хотя я и могу понять желание молодого полицейского продолжить отношения, её точку зрения я тоже понимаю.

— Да уж, надеюсь, — сказала она довольно резко. Она сказала, что большинство мужчин были такими, и она надеялась, что я — исключение.

Я уверил ее, что так и есть. Она была этому рада.

Она стала более открытой. В любом случае вся эта любовь не так хороша, как её расписывают. Она это знала и была уверена, что я был с ней согласен. Все это голливудская чушь, сказала она. стакан джина куда лучше, и в ходе своих рассуждений она пришла к выводу, что в этой жизни за все надо платить.

Я сказал, что, наверное, она была права.

— Ты молодец, Джо, — сказала она, — я это сразу поняла. А Элла — чертова дура. Она всегда ею была.

Посмотрев вниз, я увидел ее медленно ступавшие по камням ноги, тонкие и белые под подолом юбки. Она курила. Казалось,

она думала, что я во всем разделял ее точку зрения. Она не ждала возражений.

Я спросил, почему она не жила на барже, как ее сестра.

Ошибка ее была совсем не в том, как сказала она. На барже жить было невозможно. Ее большой ошибкой было замужество. Сэм давал ей 2 фунта в неделю на ведение хозяйства и ожидал, что она будет для него служанкой. Она спросила, мог ли я в это поверить. Я сочувственно покачал головой. Она могла заработать больше за одну ночь, продолжала она, и ей не пришлось бы обустроивать ничей быт.

Она довольно быстро осознала свою ошибку, и после этого попыталась все исправить, но это было трудно, ведь Сэм по вечерам был дома, так что она обходилась тем, что было доступно, а было это немного, ведь днем все молодые люди были на работе, и оставались лишь старые пенсионеры и безработные, а ни у тех, ни у других больших денег не было. И все же, это было не так плохо, ведь о многом пенсионеры и не просили, можно сказать, кончали от одного прикосновения, не то что Сэм.

Мы подходили к барже, и она сказала, что Элле нам лучше соврать, что мы были в кино, и мы вспомнили фильм, который оба смотрели, чтобы рассказать о нем, если она спросит.

— Если бы все мужчины были похожи на тебя, Джо, — сказала Гвендолин, — возможно, все было бы по-другому.

Я не был уверен, что понимаю, о чем она говорит, но возражать ей не стал. Что бы она ни говорила, у нее был очень уверенный тон, и я не хотел испортить с ней отношения.

Элла молчала. Она сделала нам чай. Гвендолин посмотрела на меня и состроила гримасу.

Я пытался понять, догадывается ли Элла о нас с Гвендолин. Она избегала моего взгляда с тех пор, как мы вернулись, и мне казалось, у нее был обиженный вид, но она нас ни о чем не спрашивала.

Гвендолин улыбнулась. Я заметил, что когда она поднимала чашку, её мизинец был согнут, как взведенный курок пистолета. Она меня раздражала. Она только все усложняла. Казалось, ей доставляло удовольствие видеть Эллу подавленной, а меня молчащим, не знающим, как начать разговор.

Спустя полчаса Гвендолин пошла спать в свою каюту. Как только она удалилась, Элла стала стелить постель. Она выглядела уставшей. Убрала со стола и начала раздеваться, по-прежнему не говоря ни слова. Я подошел к ней и попытался обнять, но она меня оттолкнула.

— Оставь меня в покое, Джо.

Я подумал: «К черту вас обеих». Поднялся на палубу и закурил сигарету. Ночь была ясной. Надо мной безразлично возвышалось темное звёздное небо, и я знал, что под этим же безразличным небом сейчас находились и другие люди, которые, невзирая на то, что через несколько дней водопродчик Гун предстанет перед судом, взвешивали все улики в рутинном поиске новой зацепки. Все же ночь была неподвижна и пуста. Я подумал об Элле. Я знал теперь, что уйду. А рано или поздно мне придется уехать отсюда совсем далеко. Покурил на палубе еще полчаса. Когда я спустился вниз, Элла уже спала.

Глава 4

С того места, где я сидел в баре, я видел стеклянную табличку, на которой задом наперед можно было прочитать «Бас». Угасали последние лучи солнца и бледный электрический свет становился все ярче и желтее, что гораздо больше соответствовало посетителям бара, бутылкам и разговору. В искусственном свете вся картина оказывалась в фокусе. С улицы доносился шум автомобилей. В дверях на мгновение остановился человек. Он обвел толпу взглядом своих розовых глаз в поисках знакомого лица. Когда поиск увенчался удачей, он приветственно поднял руку — Билл! — и тот, другой, оторвался от группы и улыбнулся знакомому; двери покачались и остановились. Закрывшись, они отрезали все внешние шумы и восстановили прежнюю громкость и бойкость разговора, заказов выпивки и прочих барных звуков, окружавших меня, пока я там сидел. Я вслушивался в них внимательно, как это обычно бывает с исключенными из общего веселья людьми. Я отложил газету, не зная, радоваться ли мне тому, что Гуну через 10 дней предстоит суд, и смотрел на остаток угасавшего дневного света в окне. Я втянул губами пивную пену со вкусом солода. Я услышал, как о нем отозвался со злостью один человек, который хотел знать, почему мы тратим государственные деньги на суд для этого ублюдка. Кто-то сказал: «Точно подмечено», а другой с усмешкой произнес что-то такое, что вызвало взрыв хохота у него самого и у его соседа. Разговор шел то серьезный, то шуточный, и время от времени прерывался отрывистыми заказами выпивки, а со стороны кого-то из зажиточных — газеты. Я взглянул на собственную газету и в боковой колонке прочитал «Если он сделал это, то ему лучше умереть!» — говорит его жена». Вот так бедняга Гун... Несчастный ублюдок женат на такой женщине. Я вздрогнул. Предположение кого-то из посетителей бара о невиновности Гуна было встречено мощным протестом и стеной недоверия. А потом тот же человек, попросив помянуть его

слово, сказал, что это была, очевидно, работа маньяка-убийцы, Джека-Потрошителя, не пользовавшегося ножом.

— Это называется некрофилия, но они в этом не признаются, — произнес он в последовавшей тишине, — помяните мои слова! Так оно и есть!

Разгорелись дебаты. Я услышал, как кто-то сказал, что повешение было бы для Гуна слишком мягким наказанием — тех, кто преследует женщин, следовало бы сжигать на костре.

Я был вне этих дискуссий, поскольку знал о невинности Гуна, и я уже начал предчувствовать каким фантастическим фарсом окажется суд. Меня это беспокоило и от сияния покрашенной в желтый цвет стены у меня болели глаза, а еще они болели от избытка сигаретного дыма. Я смотрел на стену, прислушиваясь к разговору.

От этого происходящее почему-то казалось нереальным. Но я не задержался надолго. Я опустошил свой стакан и ушел из бара. В ушах у меня звенели слова его жены: «Если он сделал это, то ему лучше умереть!». Господи!

Я пошел на баржу.

Она была пришвартована недалеко от того места, где мы выловили из воды Кэти. Я подумал о том, где она была сейчас. Её похоронили на каком-нибудь кладбище. Интересно, было ли там особое место для тех убитых, чье тело не запрашивали родственники, какая-нибудь ничем ни обозначенная яма, куда закапывали изуродованные после вскрытия тела. Я удивился жестокости своих мыслей. Я чувствовал себя опустошенным и очень одиноким, как будто самым непостижимым образом на какую-то часть меня повесили бирку, положили в гроб и закопали в землю. Мне была противна похотливая жажда жертвы людей из бара.

По дороге я вспомнил, как сильно отличалось её тело от тел Эллы и Гвендолин. Оно было более молодым, гладким, стройным, желто-коричневый оттенок кожи переходил под одеждой в жёлто-белый. Я вспомнил, как в её нежных руках я забывал о скучной действительности.

Я думаю, было время, когда мы были счастливы. Длинными летними днями в коттедже у причала, где мы были совсем одни. Я собирался написать книгу, настоящий шедевр, и мы бы поехали за границу. Мы потратили несколько сотен фунтов, доставшихся ей в наследство после смерти отца. После этого несколько недель я подрабатывал на соседних фермах. Но долго так продолжаться не могло. «Если я увижу еще хоть одну проклятую картошку, я сойду с ума!» Так мы переехали в город, и Кэти нашла работу. Она приходила домой усталой, и через некоторое время она затаила на меня обиду. «Мне было бы легче, если бы я верила в то, что ты

когда-нибудь ее допишешь», — сказала она. «Думаешь, это так просто? Думаешь, надо просто сесть и написать эту чертову книгу? У меня нет сюжета. Нет героев. Мне не интересна вся эта обычная ерунда. Разве ты не понимаешь? Эта литература — обман. А мне надо начать здесь и сейчас. Я...» «Нет, я не понимаю, — ответила она. — Я не знаю, почему ты не можешь написать обыкновенную книгу, такую, чтобы ее поняли люди. Прошло уже восемь месяцев. Я каждый день встаю рано утром, весь день сижу в паршивом офисе, а когда прихожу домой, ты либо пьян, либо спишь. Что ты делал сегодня, Джо, пока я зарабатывала нам на хлеб?» «Я приготовил крем», — злобно сказал я. «Что ты сделал?» «Я приготовил крем. Вот он». Я протянул ей большую миску с густым желтым кремом. В то утро, когда я понял, что работать не смогу, я стал думать, чем бы себя занять. Я нашел старый рецепт крема. Этот крем был лучшим из всех, что я когда-либо пробовал. Я с нетерпением ждал, когда Кэти придет домой и попробует его. «Крем! — сказала она так, как могла бы сказать «Крыса!». — Я работаю целый день, а ты делаешь крем!» Она стала молча переодеваться.

— По поводу крема, — сказал я. — Мне это показалось неплохой идеей. Вот я его и приготовил. Он там, на кухонном шкафу.

Я взял в руки миску. Это была большая миска, и в ней было около двух с половиной пинт крема.

— Мне наплевать, где он! — сказала она, стягивая чулок. — Есть ты его будешь сам. Мне что-то не хочется.

Я посмотрел на нее. Вдруг я почувствовал раздражение. Весь день я умирал от скуки. Мне понравилось делать крем. Да будь я проклят, если позволю ей вот так сидеть и издеваться над моим кремом. Лицо ее приняло глупый оскорбленный вид. Это меня разозлило. Она на меня даже не смотрела. Она выравнивала швы на чулках. Её волосы упали ей на лицо, когда она наклонилась, чтобы поправить чулки на икрах. Я заговорил медленно с угрозой в голосе.

— Я сделал крем, и ты его съешь.

Не знаю почему, но я хотел, чтобы она его съела.

— Сказать тебе, что ты можешь с ним сделать? — спросила она с издёвкой.

— Я знаю, что с ним сделаю, — ответил я. Я бросил крем в неё.

Жёлтая масса оторвалась от миски, полетела через всю комнату и упала ей на грудь. Крем ещё не загустел. По консистенции он напоминал мягкую клейкую пасту. Она вскрикнула и полетела вниз со своего стула, так что её вымазанное кремом тело растянулось на пыльном линолеуме. Она упала назад вместе со стулом, и её поднятые вверх ноги и просвечивающие сквозь чёрный ней-

лон ягодицы спровоцировали меня на дальнейшие действия. Я схватил с камина палку, отломанную ручку яичного контейнера, и вскочил на неё. От страха она завизжала.

— Ублюдок! Ублюдок! Ублюдок! — кричала она.

Я обхватил её одной рукой так, чтобы её красивые большие и теперь измазанные кремом ягодицы оказались сверху, и потом правой рукой со всей силы ударил по ним деревянной планкой. Я безжалостно её порол на протяжении минуты. Она билась в истерике на полу, издавая пронзительные крики. Крем капал с её сосков и сквозь трусики просачивался до лобковых волос. Я остановился, подошёл к камину и схватил пузырёк ярко-синих чернил. Она сидела на корточках, плача, шмыгая носом и дрожа. Я вылил содержимое пузырька ей на голову, так что чернила потекли по её волосам, лицу и плечам, где смешались с кремом. Тогда я вспомнил о соусе и ванильной эссенции. Из всего этого я сделал смесь: кетчуп, соус, эссенция, голубое, зелёное, жёлтое и красное — все цвета радуги.

Не знаю, плакала она или смеялась, когда я высыпал на неё двухфунтовый пакет сахара. Её полуобнажённое тело конвульсивно содрогалось. Одна грудь голубая, другая — жёлто-красная, зелёный живот — и от всего этого исходит запах её боли, пота и обиды. К тому времени я возбудился. Я разделся, схватил планку от яичного контейнера и мешал её боль с удовольствием.

Когда я поднялся с неё, она была страшно перепачкана, почти до неузнаваемости, а крем, чернила и сахар сверкали как причудливые яства на покрытом волосами изгибе её удовлетворённой плоти.

Я вымылся и молча ушёл. Когда я вернулся, от беспорядка не осталось и следа. Она была в постели, и когда я лёг рядом, она обняла меня и поцеловала в губы.

Теперь было больно об этом вспоминать. Вскоре после этого мы расстались — тихо, без истерик. «Если бы ты был богат, Джо, — сказала она мне, — у нас могло бы что-нибудь получиться. Я тебя любила». Прошедшее время. Неужели из-за того, что я не был богат, я должен был надеть на себя ярмо? «Не за мои ли бесстрашные глаза бунтаря ты любила меня, милая...?»

Я был так погружён в свои мысли, что чуть не свернул на ту улицу, где стояло кафе, в котором мы сидели в ту ночь, когда она умерла. Завернув за угол, я остановился, почувствовав что-то знакомое, и некоторое время я стоял, соображая, что это было, пока не осознал, что сделал глупость, и тогда я быстро пошёл обратно, той же дорогой, приведшей меня на это место.

Когда я вернулся на баржу, Гвендолин сидела в каюте одна и читала газету. Ребёнок спал. Когда я спускался по лестнице, она

посмотрела вверх.

— Когда у тебя день рождения, Джо? — Что?

— Твой гороскоп, — сказала она. — Я тебе его прочитаю.

— Где Элла? Она засмеялась.

— Элла свихнулась. Иди сюда, присядь.

Она налила мне джина из бутылки, стоявшей рядом с ней.

— Что значит «свихнулась»?

— Поехала к Лесли.

Я сел, взяв предложенный мне стакан, и выпил. Только когда горечь джина обожгла мне небо и горло, я вспомнил, что терпеть не могу чистый джин.

— Не представляю себе, — сказала Гвендолин, — чего она хочет от такого мужчины?

— Он кремень, — сказал я, вставая. Я не слушал её ответ. Я собирал свои вещи и засовывал их в маленький мешок, с которым пришёл на баржу.

— Что это ты делаешь? — спросила Гвендолин.

— Убираюсь отсюда, — сказал я. — Давно пора было уйти.

У Гвендолин начался приступ истерического смеха. Её лицо с яркими тонкими губами в свете керосинки было похоже на лицо вампирши.

— Ты не видела моего зеркала? — спросил я.

— Какого зеркала?

— Оно металлическое. Я пользуюсь им, когда бреюсь. В нём сверху есть отверстие.

— Ты правда сегодня уходишь? — Да.

— Тогда выпей на прощанье.

— Нет. Я ненавижу эту дрянь.

Я нашёл зеркало в ящике стола и положил его к прочим своим вещам в мешок.

— Да ладно тебе! Выпей!

— Не люблю неразбавленный джин. Какое-то время она смотрела на меня, а потом снова разразилась хохотом. Я взглянул на неё. Она сидела, поставив локти на стол, истерично смеясь. Её лицо было бледным, а медно-рыжие волосы в свете керосинки были похожи на парик.

— Ты ещё не сжёг ту фотографию? Я оцепенел и сел на стул.

— Какую ещё фотографию?

— Ну, ты знаешь! — От джина у неё заплетался язык. — Та, с твоей бышей деушкой».

— А, эта. Конечно, я её сжёг.

«Хоршо. Не люблю вспоминать... Эй, не жалеешь, Джо? Старик что скажешь?

Я налил себе немного джина и чокнулся с ней.

— Пусть мёртвые хоронят своих мертвецов, — сказал я.

— Праильно, Джо!

Она упала лицом на стол, и я какое-то время смотрел на её костлявую шею, где проглядывали тёмные корни её волос, похожие на металлические стружки.

Она не видела фотографию. В этом я был совершенно уверен. И я её действительно сжёл. Всё равно, надо было положиться на случай. Я не мог представить, как убиваю её. Тогда надо убить и старого итальянца из кафе! Я встал и поднялся по лестнице на палубу.

Выбравшись на причал, я посмотрел на далёкие мерцающие огни и пошёл в город.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

Ночью я слушал шум водопровода. Кровать была жёсткой, а матрас со сломанными пружинами — неровным. Однокомнатная квартира с кухней располагалась в передней части дома, и окна выходили на улицу, изогнутую, как полумесяц. Тротуар на противоположной стороне состоял из четырёх уровней лаваподобных ступеней, спускавшихся к узкому полотну мощёной булыжником дороги, по которой ездили лишь три машины: мусорный фургон, углевоз и грузовик с молоком. Улицу освещали пять фонарей: четыре на столбах и один на завитом в викторианском стиле держателе, вбитом почти напротив окна в раскрошенную серую стену дома на противоположной стороне. И теперь его свет рассеивался по кухне, где я лежал на раскладушке, и тускло мерцал на покоем на кость ободу раковины, из труб под которой доносились булькающие и журчащие звуки, и покрывал тенями пол, так что казалось, что куски мебели повисли в воздухе. У меня возникло ощущение, что я находился в какой-то шахте, причём вокруг была невесомая мебель, а подо мною вместо пола была уходящая вниз бездонная шахта.

Я лежал на боку и, протянув руку вниз, нащупал линолеум на полу. Это ощущение меня успокоило, и я погладил пол пальцами. Моя голова лежала на самом краю кровати, и я попытался разглядеть поверхность, к которой прикасался. Через минуту я увидел её в тени под моими болезненно белыми пальцами.

Шум в трубах то нарастал, то убывал, как поезд, стучащий по рельсам. Своим угловым зрением я видел за окном скрученный контур фонаря и бледное мерцание, которое оставлял его свет на табличке с названием улицы. Если бы я не знал названия улицы, я бы не прочитал его с этого расстояния и при таком освещении, но поскольку я его знал, то мог увидеть. Сначала оно было размыто, а потом появлялась резкость, как будто я сам ее создавал. Это была Люсьен Стрит. Улица, смежная с Блэк Стрит.

Я повернулся к женщине, лежавшей рядом со мной, и положил руку на её живот, прямо над тазом. Она спала крепко и довольно шумно. Мои пальцы скользнули вниз, исследуя ядро её спящей сущности. На следующий день Гун должен был предстать перед судом. Я не мог спать.

В маленькой квартире Бриджтона я с самого начала понял, что как квартиранту мне будет позволено пользоваться узкогрудой, остробёдрой тонкой блондинкой двадцати пяти лет, чей муж ра-

ботал ночным сторожем на складе на Стоквелл Стрит. Только хлипкая, не закрывавшаяся плотно дверь отделяла кухню, где они спали (муж с женой в убиравшейся в нишу кровати и двое детей в колыбели) от маленькой комнаты, которую выделили мне.

Дверь с лестницы вела на кухню.

Первым делом её муж, приходя с работы на рассвете, снимал свои ботинки. Это были большие, обитые железом ботинки, пахнувшие потом его ног.

Потом он готовил чай для спящих взрослых. Одновременно он разжигал погасший огонь и согревал ноги.

Прежде чем он засыпал, я вставал с кровати в своей маленькой комнате, куда я удалялся всего за пару часов до этого, и шёл в кухню, чтобы побриться над раковиной. В тот день, пока я брился, я услышал, как у женщины внезапно перехватило дыхание, когда в неё вошёл муж. Делал он это без нежности, беря то, что по праву принадлежало ему.

Я не оглядывался. Я смотрел, как мыльная пена густела под моей кисточкой для бритья, и вспоминал, как с самого начала без возражений, но и без особой страсти она приняла мои ласки.

Я стоял, звеня своими бритвенными принадлежностями, промывая их одну за другой под краном, глядя как мыло стекает с щетинок кисточки, пока хрипы мужчины и тяжёлое дыхание женщины не прекратились. Я повернулся к мужчине, который лежал на своей жене поперёк кровати и сказал, что пойду смотреть суд над Гуном, что это будет интересно. Он сонно кивнул мне.

Несмотря на немое соперничество, существовавшее между нами из-за женщины, которая, как он наверняка знал, удовлетворяла нас обоих, между нами также было и молчаливое взаимопонимание. Мы были друзьями и пили вместе, это тоже пошло почти с самого начала (в ту ночь, когда я ушёл с баржи, я встретил его в пабе) когда, уже у себя на кухне он сказал: «Твоя койка в соседней комнате. Если что понадобится, моя жена обо всём позаботится». Жена, тонкая мускулистая женщина трущоб, прищурила глаз и оглядела меня с ног до головы. Под этим взглядом мужество оставило меня, и я не мог придумать ничего лучше, чем достать горсть полукрон и шиллингов и заплатить ренту за две недели вперед, положив деньги на угол стола возле жены, как будто я покупал её. Она после недолгих колебаний отдала две монеты мужу, а остальное смела в карман фартука. Мужчина взял монеты без эмоций и пригласил меня вниз, выпить.

— Смотри, не опоздай на работу, — сказала его жена, когда мы выходили.

За пивом мы говорили о ней. Мне всё время казалось странным, что он не говорил о её теле, даже о самой женщине, только (и это с упрямым примитивным знанием предмета разговора) о том, что он с ней делал.

На углу улицы мы распрощались. Он пошёл на склад, я вернулся на квартиру. Какое-то время он, казалось, не хотел уходить.

А потом, когда он ушёл, я с тяжестью на сердце вернулся к ней в крошечную квартирку на Люсьен Стрит. Я остановился рядом с Блэк Стрит, рядом с местом моего преступления. Когда я снова зашёл в квартиру, она сказала без формальностей, что надеется, что я буду похож на предыдущего квартиранта. Она сказала это холодно и добавила: «Подожди, пока заснут дети».

Она одевалась перед камином, не глядя на меня. Я закончил с бритъём, сел у огня и закурил сигарету. Она жарила бекон. Чуть позже она разбила на сковородку два яйца, пожарила их с минуту и потом вывалила всё содержимое сковороды на тарелку, которую пихнула мне. Я поставил её на стол, взял нож и вилку, отломил себе хлеба и начал есть. Вскоре она поставила рядом со мной чашку крепкого чая.

— Ты пойдёшь на этот суд? Я кивнул.

— Думаешь, этот Гун виновен?

— Они ещё не установили, что это было убийство.

— Как это понимать?

— Ну, это ещё не доказано.

— Ой, они это и так знают, — сказала она тихо, ставя рядом со мной свою тарелку с беконом. — Женщина просто так не раздевается.

— Ну и что? Ну, да, она занималась любовью.

— Вот увидишь, — настаивала Конни. — Повесят этого несчастного извращенца.

Меня это тяготило. Я не мог отрицать, что это было возможно. Но я ничего не мог сделать. Я пойду на суд. Вдруг что-то всплывёт. Но после всех этих душераздирающих газетных статей они обязаны найти жертву. Я пойду. Лесли будет там. Возможно, Элла. И Гвендолин? При мысли о ней мне стало ещё хуже. Она ставила под угрозу не только моё душевное спокойствие. Но она не видела фотографии. Я убрал её достаточно быстро. Некоторое время я подумывал вообще уехать подальше из этого города, возможно, даже за границу. Но я должен был сходить на процесс, чтобы увидеть, как юристы и другие сотрудники суда совершат узаконенное убийство. Образ обнажённого тела Кэти витал передо мной, как кинжал Макбета. Но во время суда ни жертва, ни убийцы не снимут свои одежды. Очень жаль. Эта мысль была более чем забавна. Судья будет старым мужчиной. Он растеряет всё

своё достоинство, если его заставят выполнять свою работу без величественных одеяний. Его худоба или избыточный вес придадут праведности привкус лжи. Толпа будет высмеивать его помпезность и заглушит своими криками жестокий приговор. «Всех судей, — подумал я, — всех юристов и их помощников надо заставлять вести процесс в голом виде.» Голая правда. В таком контексте это будет больше чем метафора. Так они вряд ли смогли бы кого-нибудь приговорить. Их голосам не хватало бы убедительности.

Я рано вышел на улицу и пошёл по Аргал Стрит в направлении суда. Я остановился выпить чашку чая за прилавком закусочной, выкурил пару сигарет и пошёл дальше. Пока я шёл по городу, на меня снизошло странное чувство уверенности. Сначала поливал дождь, но потом он прекратился. По улице шли женщины: машинистки, продавщицы, секретарши — торопились на работу. Мужчины в костюмах, в комбинезонах, в униформе. Глоток виски, который я отхлебнул из фляги, казалось, всё расставил по местам. В то же время он придал мне твёрдости и уверенности, не в чём-нибудь, а просто уверенность перед лицом необходимости моей изоляции.

Я сел на трамвай. В трамвае я сразу же положил руку в карман, чтобы удостовериться, что мои деньги всё ещё были на месте. Конечно, они никуда не делись. Я улыбнулся своему почти прозрачному отражению в окне трамвая и рядом с ним увидел, словно вышедшее из моей головы воспоминание, девушку в розовом пальто, которая стояла, разглядывая витрину магазина. Под подолом пальто мелькнули ноги, розовые и загорелые, как у Кэти, и я спросил себя, будь я в другой ситуации, решился бы я подойти к ней и познакомиться. Трамвай ехал дальше, как застеклённый остров. Я выбрался из него также бесцельно, как и вошёл. На тротуаре было ещё больше народа. Люди шли мимо меня, толкаясь, чтобы сесть на трамвай. Для проходивших мимо меня женщин с сумками в руках я был не более, чем препятствие. Мне пришло в голову, что вообще-то по отношению к другим людям прежде всего и был препятствием.

Когда я добрался до тротуара, я сразу же решил выпить ещё виски. Я вошёл в молочный бар и пробрался в мужской туалет. Там, присев на унитаз, я влил в себя виски, закрыл флягу крышкой, положил в карман и после некоторых раздумий пописал. В области живота я ощущал волнение, которое выходило на поверхность лёгким потом. Я прочёл несколько призывов к сексуальным извращениям, которые покрывали окружающие меня стены. Минутой позже я поправил одежду и вышел через молочный бар прямо на улицу.

Седобородый старик с застывшими белыми слепыми глазами продавал шнурки и карандаши. Шнурки были переброшены через его руку, которая опиралась на белый посох. Связку карандашей он держал в другой руке. Он кивал головой с видом мудрого старца. Я подумал, что, возможно, он был дураком ещё до того, как ослеп. Шиллинг для святого Франциска. Я обошёл его, избегая прикосновения. Я надел перчатки и пошёл на почту.

Я взял открытку. У окна одним из почтовых карандашей я написал заглавными буквами такое послание:

У МЕНЯ НЕТ НАМЕРЕНИЯ СДАВАТЬСЯ ВАМ ИЛИ СНАБЖАТЬ ВАС ДАЛЬНЕЙШЕЙ ИНФОРМАЦИЕЙ. ПРИГОВОРИВ ГУНА, ВЫ ПРИГОВОРИТЕ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ НЕ ЗНАЕТ НИЧЕГО ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ СМЕРТИ КЭТРИН ДИМЛИ. Я ОДИН БЫЛ С НЕЙ, КОГДА ОНА УМЕРЛА. ЭТО БЫЛ НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ. Я НЕ МОГУ ДОКАЗАТЬ ЭТО, НЕ ВЫДАВ СЕБЯ, А ЕСЛИ Я ТАК СДЕЛАЮ, ТО СРАЗУ ЖЕ ЗАЙМУ МЕСТО ОБВИНЯЕМОГО. Я НЕ МОГУ ТАК РИСКОВАТЬ. НО ГУН НЕВИНОВЕН.

Я подождал, пока высохнут чернила, не желая, чтобы текст проявился на почтовой промокательной бумаге, а затем, запечатав письмо-открытку, я адресовал её слушавшему дело судье и бросил в почтовый ящик.

Конечно, я не испытывал иллюзий по поводу того, что моё сентиментальное послание как-то повлияет на процесс (его с таким же успехом могла написать жена Гуна, а то и просто какой-нибудь шутник), но какой бы слабой ни была возможность того, что письмо примут всерьёз, попытаться стоило. Посеять зерно сомнения в мыслях судьи... Я подумал, что письмо вряд ли возымеет даже такой эффект. Осознаёт он это или нет, любой судья мнит себя Богом. Судить — значит брать на себя обязанности Бога. Вот почему мудрые люди вложили слова, запрещающие нам осуждать друг друга, в уста Бога.

Полицейский проводил меня в тот самый зал суда. Там уже собралось много народа. В основном пришли женщины средних лет. У меня возникло ощущение, что я присутствую на птичьем слёте.

Как только я сел, я почему-то начал думать о моём зеркале для бритья. Я вспомнил, что часто его ронял, и всё время удивлялся тому, что оно не разбивалось. Не важно, как часто я повторял себе, что оно из металла, я никогда не мог отделаться от ощущения, что оно должно было разбиться. Почему я тогда об этом подумал?

Я попытался сесть поудобнее, взглянул на полированное дерево; мои ноги устали, и я посмотрел на свои разбитые чёрные кожаные ботинки. Мне было как-то скучно, я и не представлял,

насколько сильно стал зависеть от окружавших меня вещей, просто составлял их каталог, повторяя снова и снова: дверь, сидение, ботинки, зеркало, умывальник; будь у меня толстая бухгалтерская книга, я бы составил опись всех вещей, аккуратно в столбик записав названия разных мелочей, которые вместе с окружавшим меня залом суда, являлись такой большой частью моего жизненного опыта. Так я мог бы дойти до микроскопических предметов. С книгой и карандашом я бы мог продолжать бесконечно. Сиденья, например, были составлены в ряды, и на самом деле они были лавками со спинками и множеством ножек. Зеркало — оно почему-то было у меня во внутреннем кармане — имело четыре угла, шарф сидевшей рядом со мной женщины, как оказалось при ближайшем рассмотрении, состоял из шерстяных нитей цветом от ярко — красного и фиолетового до почти совсем белого. Я бы не растерялся, если бы потребовалось провести опись вещей.

Я вдруг вспомнил, что Гун был всё ещё жив. Я подумал о том, что было жестоко заставляя его судиться за свою жизнь. Сейчас он ел, пил, спал и справлял нужду, как в подобных обстоятельствах делал бы домашний кот. Его принудили полностью сосредоточиться на физических функциях своего тела. Это заставит его ещё больше осознавать себя живым существом, чем прежде, когда за своими действиями он как бы терял из виду себя самого. Должно быть, постепенно его сознание все реже и реже стало выходить за рамки восприятия. Он, должно быть, часами, а то и днями напролёт мерил шагами свою камеру.

Помню, как однажды после драки в баре я очнулся в больнице. Там, где должны были находиться стены, стояли ширмы, и я чувствовал запах йодоформа вместо того, что исходит от постели со спящей парой. Я тогда жил с Кэти. Когда я вернулся домой, всё было наоборот. Проснувшись и оглянувшись вокруг, я осознал, что рядом с кроватью не было констебля, сидевшего на стуле и державшего в руках свой шлем, как когда я в больнице внезапно пришёл в сознание, приняв шпиль на шлеме за звезду. Помню, что он был молодым человеком с обеспокоенными серыми глазами и бледным отёкшим лицом. Не помню, были ли у него чёрные усы или их не было вовсе. Некоторое время я смотрел на него из-под полуоткрытых век, а потом должно быть опять заснул, потому что, когда я снова посмотрел на него, он превратился в мужчину постарше, на щеках которого просвечивали вены, а брови были густыми и суровыми, и я помню, что пуговицы на его форме были очень яркими, такими яркими, что еще не начав чувствовать собственные конечности под чистой простыней, я их сосчитал по крайней мере два раза, чтобы не ошибиться. Сейчас

я забыл, сколько их было.

Я подумал об этом, наверное, потому что это был мой единственный прямой контакт с полицией. И вдруг рядом со мной кто-то сказал: «Чепуха!», — и тут я понял, что начался процесс. На скамье подсудимых сидел Гун, бледный мужчина средних лет, а за его спиной — два полицейских. Потом прозвучала какая-то реплика — не знаю, кто её произнёс — за ней последовала тишина в зале суда, которая постепенно переросла в шёпот, резко прерванный настойчивыми ударами молотка судьи. При взгляде на последнего, у меня возникло ощущение, что на меня смотрит злобная старая черепаха.

В зале стало тихо.

Говорил человек в парике. Казалось, он был доволен собой. Даже под мантией он не мог скрыть свой невероятно огромный зад. По голосу было понятно, что у него — аденоиды.

Люди в зале суда стали ещё больше похожи на птиц, занявших позицию, сверкающих глазами, готовых заклевать жертву. Я наблюдал за ними, не в силах оторваться. По мере продолжения слушанья им иногда было скучно, иногда они становились взволнованными и возбуждёнными, но всё время оставались смешными, их эмоциональные вспышки были единогласны. Все они восхищались ханжеством оплаченных ими прокуроров.

На суде стало абсолютно ясно, что о Гуне они совсем не говорят. Жертва, нарисованная в речи прокурора, подогнанная под целое море улик, не имела ничего общего с тем «Я» которое осознавал Гун. Меня раздражало то спокойствие, с которым они все приняли как должное, что Гун был тем человеком, о котором они говорят. Если они приговорят его, они приговорят Гуна, и если они его повесят, то это тело Гуна будет умерщвлено.

«Когда вы пошли», — говорили они.

«Когда вы делали то и это».

Вопросы. Ложь. Фальсификация. Процесс пошёл.

У меня сложилось впечатление, что они хотят поверить в то, что все факты сходятся так же сильно, как человек хочет поверить в Бога.

Гун сидел мрачный и испуганный. Время от времени его вызывали для дачи показаний. Он делал это с какой-то беспомощной яростью, чуть не плача. Женский голос позади меня произнёс, что легко было плакать, когда тебя поймали. Она не успела объяснить, что имела в виду, поскольку один из приставов велел её замолчать.

В зале стоял запах плесени и духов, и лишь немного солнечного света пробивалось с улицы сквозь высокие окна. Юристы вставали и садились, садились и вставали, а маленький человечек в

очках объяснял, что отпечатки пальцев Гуна были найдены на туфлях усопшей.

— Ошибки быть не может. — Что?

— Всё предельно ясно.

Из под носового платка тоненький голосок пробивался сквозь пенсне.

Эта информация меня потрясла. Несомненно свидетель после этого вернулся в свою лабораторию. Больше он не появлялся.

Лесли вызвали уже около полудня. Он вытащил тело из реки.

— Мы с Джо, — сказал он.

— Джо?

Трудно представить себе, что моё имя фигурирует в описании судебного процесса.

— Мой напарник, — сказал Лесли уверенным тоном, и в зале послышалось хихиканье. На Лесли была белая рубашка с высоким воротником, над которым его сахарная голова с коротко стриженными седыми волосами во время допроса была слегка откинута назад, как будто от удивления.

Его мнения не спрашивали. Суд удостоверился в том, что женщина была мертва, когда её достали из воды.

В конце первого дня суд отложили. Было совершенно очевидно, что прокурор добьётся своего приговора. Он был невысоким, довольно самоуверенным, и, казалось, ему лично доставляет удовольствие убивать Гуна.

Мне не хотелось сразу возвращаться домой. Вместо этого я сел на трамвай до Келвингроува и пошёл в парк. Я долгое время сидел на лавочке, не думая ни о чём конкретном. Эллы на суде не было. Лесли пришёл и ушёл, не заметив меня. Мне было интересно, вернулся ли он на баржу или работал где-нибудь в городе ночным сторожем. По Лесли я скучал больше, чем по Элле. Я был рад от неё избавиться. А в Лесли мне многое нравилось.

Потом я встал.

Когда я проходил мимо теннисных кортов, мне встретились два молодых человека и девушка. Наверное, это были студенты, поскольку под мышками они несли книги. Увидев меня, они перестали смеяться. Как будто то, над чем они смеялись было слишком личным, чтобы делиться этим с незнакомцем. А потом они оказались позади меня и снова засмеялись, а голос одного из молодых людей был высоким, искусственным и взволнованным, как будто он кого-то пародировал, а потом снова послышался девичий смех. Я оглянулся.

Она шла между ними, покачивая круглой сумочкой на длинном кожаном ремешке, в сандалиях и летнем платье — яркая блондинка, чьи волосы были собраны лентой в изящный хвост. У

неё были стройные бёдра, и она несомненно была объектом желания обоих молодых людей.

Они скрылись из виду.

Я начал думать о том, что ей, наверное, было не больше двадцати двух, и интересно, не казался ли я ей старым, и вдруг я понял, что завидую тем двоим, что шли с ней рядом. На меня нахлынуло почти что чувство отчаяния. Я испытывал опустошающее чувство потери того, чего у меня никогда не было, и мне тогда не пришло в голову, что этой вещью не обладает никто по той простой причине, что это нечто создаётся нашим взглядом и существует только для наблюдателя, без которого никогда не смогло бы стать объектом зависти. Я был усталым и измученным, и тогда меня ещё не осенило, что её сопровождение было ещё дальше от того, потерю чего я так остро переживал. Они были бесконечно от этого далеки, потому что для них это не существовало вовсе: их смех, покачивание её бёдер, лента, близость — всё это. И даже если она была любовницей одного из них, я создал объект, вызывавший во мне чувство потери, и он был только моим. Потом я понял, что нелепо ревновать кого-то к ситуации, которая для него не существует, потому что он её часть, и поскольку её можно только наблюдать, она существует лишь извне, а потому ты в ней всегда отсутствуешь.

Тогда я об этом не подумал, эти мысли пришли ко мне уже ночью. К тому времени я устал и был сильно зол.

Мне срочно надо было выпить. Расставленная обществом ловушка, в которую Гун к несчастью для себя угодил, повергала меня в депрессию. Если бы какой-либо мой поступок мог разрушить эту ловушку, я тотчас бы начал действовать. Пойти в полицию? Признаться? На практике это окажется для меня фатальным. В теории это косвенным, но неопровержимым путём подтверждает законность той социальной структуры, которую я отрицал.

Лучше выпить двойной виски, в данных обстоятельствах от этого будет больше пользы. Я выпил пару стаканов в ближайшем баре. Поскольку с утра я ничего не ел, алкоголь сильнее обычного ударил мне в голову. Уходя из паба, я чувствовал головокружение.

Я оказался в большой общественной библиотеке. Передо мной лежал старый номер Британского медицинского журнала. Я прочитал:

Когда повесили первых двух, моей обязанностью было установить факт смерти. Как правило, при выслушивании сердце может биться до десяти минут после казни, и в этом случае, когда прекратился стук, ничто не предполагало возвращения к жизни. Тела были срезаны через пятнадцать минут и сложены в перед-

ней, как вдруг я с ужасом услышал, как один из предполагаемых трупов издал вздох и начал совершать спазматические попытки дыхания, очевидно ведущие к оживлению. Оба тела быстро повесили вновь ещё на четверть часа. Опытный палач свою работу выполнил без заминки, способ падения он подбирает индивидуально, в зависимости от телосложения. В идеале надо стремиться к вывиху шейного позвонка, но из всех произведенных мною вскрытий следует, что это скорее исключение, и в большинстве случаев смерть наступает от удушья и асфиксии.

Не знаю, как долго я смотрел на статью, прежде чем швырнул её через стол. Я так её там и оставил, не позаботившись о том, чтобы отдать её библиотекарю, и ничего не видя, вышел на улицу.

Когда я вернулся в квартиру на Люсьен Стрит, муж Конни собирался уйти на работу. Конни заворачивала ему бутерброды в газету. «Гуну предъявлено обвинение...» кричал заголовок.

— Как всё прошло, Джо? — спросил он.

— Его приговорят, — ответил я.

Глава 2

На следующее утро я проснулся рано. Ночью я почти не спал. Когда я прошёл в кухню, Конни разжигала огонь, а Билл, ночной сторож, спал в раскладной кровати.

— Я тебя не будила, — сказала Конни, как будто хотела что-то объяснить.

— Я рад.

— Ты пойдёшь сегодня на суд?

— Ещё бы, пойду. Где-то через час. — Я зевнул. — Можно чашку чая?

Она плюхнула её передо мной. Вечный чайник на конфорке.

— На что похож этот суд?

— Это сумасшествие, — сказал я. — Похоже на футбольный матч. Две команды юристов, напыщенных, как индюки, и Гун в роли мяча.

— Какой позор, — сказала она. — Мне его жалко. Я читала газету. Он говорит, что даже не был там.

— А что ты, к чёртовой матери, думала он скажет? — услышался с кровати голос Билла.

— Заткнись и спи! — сказала Конни.

Я осторожно брился, видя в зеркале, как гладкая линия подбородка появляется из-под слоя мыльной пены. Из дома я ушёл после одиннадцати.

Я снова оказался на Аргил Стрит. Я почти уже решил туда не ходить. Вердикт был делом предрешённым. Они придумали преступление и теперь придумали человека, который его совершил. Единственной неувязкой во всём этом фарсе было то, что они осудят живое существо, уважающее эту систему. В этом не было сомнений. Образ человека, нарисованный речью прокурора восхитительно совпадал с тем преступлением, которое выдумала полиция — какое это вдохновляющее зрелище: две ветви государственной службы, судебная и полицейская, работают вместе в воображаемой гармонии.

Я играл в пинбол в подвальчике на Джамайка Стрит. В это время там было мало народа. После ланча пошёл в зал суда и обнаружил, что присяжные уже удалились. Репортёры уже готовили фотокамеры. Я сел недалеко от того места, где сидел день назад, и стал ждать, пока вернуться двенадцать присяжных (три женщины и девять мужчин). Их напыщенность выглядела нелепо. Я подумал, что хотя бы один из них должен был чувствовать себя убийцей. Остальные будут оправданы собственным ханжеством.

Не помню тишины тише той, что последовала за словами его чести Паркинтона, который сказал, что никогда за всю его работу в суде он не чувствовал настолько оправданной максимальной меру наказания. Он сказал это почти с вожделием, и только тогда я понял, что он был сумасшедшим.

Гуна призвали к ответу. Его честь Паркингтон спросил, не хочет ли он что-нибудь сказать до того, как приговор приведут в исполнение.

— Только то, что я невиновен, сэр. Богом клянусь! — промямлил он, даже не решаясь взглянуть на злобно наклонившуюся в его сторону сову.

Реакции на эти слова не последовало. Их смысла, похоже, никто не понял. Сказав это, Гун как бы выпал из происходящего в суде. Думаю, будь он виновен, случилось бы то же самое.

Вдруг раздался женский крик: «Так ты это сделал!» Все глаза посмотрели на неё, довольно полную женщину в чёрном, плачущую в платок — миссис Гун. Молоток судьи призвал ее к порядку. Стоявшие рядом люди помогали ей сесть, а она хныкала: «Лучше ему умереть... лучше ему умереть...!»

— Тишина в суде!

В последовавшей тишине его честь Паркингтон поправил на лысеющей голове шапку и в нос прочитал варварский приговор. Оказалось, что закон требует, чтобы Гун был повешен за шею до наступления смерти. День был указан. Время — раннее утро. Потом его честь Паркингтон своей вставной челюстью произнёс

обычную формулу о том, что Бог да смилостивится над душой Гуна.

На мгновение я подумал, не встать ли мне и не изобличить ли его. В теле я чувствовал напряжение, как у игрока, который перед последним призывом делать ставки стоит в нерешительности — поставить ли всё на красное или на чёрное — и с облегчением вздыхает, когда крупье говорит: «Ставки сделаны». Ставка осталась в моей руке — моя жизнь, и я знал, что она уже никогда не придёт в равновесие, что Гун проиграл и теперь был полностью во власти тех, кто его приговорил. Моё тело покрылось холодным потом.

Зал суда был тих, сер и тяжёл со своим высоким потолком, а медные планшеты ламп были высоко и выглядели сурово. Я попытался услышать шум дорожного движения на улице. Мне очень надо было его услышать, но стены, должно быть, были слишком толстыми. И люди молчали, а тишину нарушал только лёгкий кашель, шелест бумаги и скрип ботинок. Не помню, как закончился суд. Я только знаю, что внезапно его честь Паркингтон исчез, и это было начало конца.